

49 550

ИЗДАТЕЛСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
· СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ ·

„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Викторъ Черновъ.

Пролетаріатъ,
трудовое крестьянство
и революція.

1820
25/IV-50
Лис 362
/ . петроградъ .

Цѣна 80 коп.

ЕГ 10

Кооперативн. Издат. Т-во Соціалістовъ-Револуціонерозъ
„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

~~III 49330~~

Викторъ Черновъ.

с-р

16.931.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ПРОЛЕТАРІАТЪ,
ТРУДОВОЕ КРЕСТЬЯНСТВО
И РЕВОЛЮЦІЯ.

Св.ст. 22. ССР

1933.11

КНИГОЗЫРН
„СТУДІОН“
У ЛЬВОВІ

Сп.уч. 1939.
№ 4
ГЛ ССР
1950

Петроградъ, Литейный пр. 22.

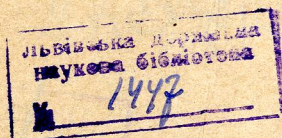
1917.

3 кн(09), 1901-1905" + 3 м.з

T3(2)52-48 + PC9(2)42

Виктор Чернов

Лит. б-ка
Л. 448

Вмѣсто предисловія.

Въ настоящей брошюрѣ собрано нѣсколь-
ко статей, помѣщавшихся въ заграничномъ
партійномъ центральномъ органѣ „Револю-
ціонная Россія“ съ 1902 по 1905 гг. Съ тѣхъ
поръ онѣ не разъ переиздавались.

Викторъ Черновъ.

Вместо предисловия

В настоящее время в нашей стране
идет борьба с преступностью
и терроризмом. В этой борьбе
важную роль играют органы
внутренних дел. В 1997-1998 гг. в
России и на постсоветском пространстве

произошло

I.

Классовая борьба въ деревнѣ.

Со стороны писателей ортодоксально-марксистскаго направленія социалисты-революціонеры часто слышатъ обвиненія въ забвеніи принципа классовой борьбы,—особенно въ примѣненіи къ ихъ работѣ среди крестьянства.

Откуда взялось это обвиненіе? Изъ разнаго пониманія, разной оцѣнки тѣхъ общественныхъ слоевъ, на которые распадается современная деревня. По мнѣнію марксистской газеты, «марксизмъ—доказалъ мелкобуржуазный укладъ русскаго крестьянскаго хозяйства», и вина социалистовъ-революціонеровъ заключается въ томъ, что «они не понимаютъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ».

Если вы будете исходить изъ этой точки зрѣнія, то въ современной деревнѣ вы найдете одинъ элементъ—сельскохозяйственный пролетаріатъ, который и составляетъ единственный революціонный классъ. Только онъ можетъ быть опорою социализма—способствовать тому, чтобы этотъ классъ созналъ себя классомъ, рѣзко отличнымъ отъ остальной крестьянской массы, выработалъ себѣ особую психику, особое міросозерцаніе, созналъ и прочувствовалъ свою противоположность всѣмъ остальнымъ слоямъ деревни.

Иначе глядятъ надѣло, социалисты-революціонеры. Они не то, что не понимаютъ—они не признаютъ «принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ», не признаютъ этого потому, что среди «крестьянства, какъ цѣлаго», различаютъ цѣлый

рядъ слоевъ не только съ количественно-различными, но и качественно-противоположными интересами.

Каковъ основной, отличительный признакъ, позволяющій причислить человѣка къ классу «буржуазіи»? Въ нашихъ глазахъ такимъ признакомъ прежде всего является источникъ дохода, на который существуетъ данное лицо. Въ современномъ обществѣ цѣлый рядъ общественныхъ слоевъ существуетъ на прибавочную стоимость, на неоплаченный трудъ другихъ людей. Одни прямо выжимаютъ этотъ трудъ изъ рабочихъ—это промышленная буржуазія; другіе косвенно приобщаются къ фонду неоплаченной рабочей силы—такова буржуазія финансовая, торговая, биржевая и т. д. Въ каждомъ подвидѣ буржуазіи возможно раздѣленіе на крупную, среднюю и мелкую—въ зависимости отъ чисто количественной разницы, отъ мѣръ, отъ степени, въ которой лицо приобщается къ чужому неоплаченному труду, къ тѣлу и крови ближняго своего. Но ихъ должно объединить одно принципиальное сходство, передъ которымъ меркнетъ количественная разница. Такимъ сходствомъ, повторяемъ, прежде всего является для насъ сходство источника доходовъ—именно, пользованіе неоплаченнымъ трудомъ другихъ людей.

Вотъ почему мы не можемъ причислить «крестьянство въ качествѣ цѣлаго» къ «мелкобуржуазнымъ слоямъ». Для насъ крестьянство рѣзко дѣлится на двѣ принципиально отличныя категоріи: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатаціей собственной рабочей силы; 2) сельскую буржуазію—среднюю и мелкую—въ большей или меньшей степени живущую эксплуатаціей чужой рабочей силы.

Трудовымъ крестьянствомъ является и сельскій пролетаріатъ (крестьяне, исключительно или главнымъ образомъ живущіе *продажей* своей рабочей силы, вполне или почти вполне лишенные обладанія средствами производства) и классъ само стоятельныхъ земледѣльцевъ, исключительно или главнымъ образомъ живущихъ приложеніемъ собственного труда за свой личный страхъ и рискъ къ средствамъ производства (собственнымъ, общиннымъ или арендованнымъ). Между двумя этими элементами населенія

существуетъ—при всѣхъ частныхъ различіяхъ—огромное *принципіальное* сходство. Основой существованія и тѣхъ и другихъ является трудъ, какъ опредѣленная политико-экономическая категорія. Это разъ. Во-вторыхъ, тѣ и другіе въ современныхъ условіяхъ *безжалостно эксплуатируются*. Одни эксплуатируются непосредственно въ процессѣ производства капиталистическими предпринимателями, другіе косвенно, въ сферѣ обращенія товаровъ, въ сферѣ арендныхъ или долговыхъ сдѣлокъ—но это только различныя *внѣшнія формы* извлеченія неоплаченного труда. Сущность взаимныхъ отношеній между сельскимъ хозяиномъ и батракомъ, съ одной стороны, между самостоятельнымъ земледѣльцемъ и заимовдавцами, землевладѣльцами, кулаками, съ другой стороны, совершенно одинакова. Это существо, эта хозяйственная сущность тѣхъ и другихъ отношеній формулируется словами: содержаніе эксплуататорскихъ, паразитическихъ классовъ на свой неоплаченный ими трудъ.

Поэтому социалисты-революціонеры находятъ разницу между чистымъ сельскимъ пролетаріемъ и трудовымъ земледѣльцемъ—разницей болѣе внѣшней и сравнительно съ основнымъ ихъ сходствомъ второстепенной и несущественной. Мы говоримъ, что интересы ихъ солидарны по самому существу ихъ социальнаго положенія, по характеру той роли, которую играютъ они въ буржуазномъ капиталистическомъ народно-хозяйственномъ механизмѣ. Эта роль—содержать своимъ трудомъ капиталистовъ, буржуазію всѣхъ видовъ и разновидностей.

Поэтому *сознать себя единымъ классомъ* социалисты-революціонеры, предлагаютъ не однимъ только безхозяйнымъ деревенскимъ батракамъ, не только *пролетарскому* элементу деревни—но гораздо болѣе обширному слою *трудоваго рабочаго* крестьянства, слою, къ которому сельскій пролетаріатъ относится, какъ часть къ цѣлому. Его мы называемъ *рабочимъ классомъ* въ деревнѣ, ему предлагаемъ вести классовую борьбу противъ всѣхъ піявокъ эксплуататоровъ. Мы протестуемъ противъ выдѣленія одного лишь пролетаріата, ибо такое одностороннее выдѣленіе является въ нашихъ глазахъ разры-

вомъ кровной связи между двумя внѣшне-различными разновидностями сельскаго рабочаго населенія, двумя трудовыми братьями—рабочимъ-батракомъ и рабочимъ-крестьяниномъ-земледѣльцемъ. Мы провозглашаемъ въ деревнѣ кличъ международнаго рабочаго гимна—вдохновеннаго «интернаціонала»—«ouvriers, paysans, nous sommes le grand parti des travailleurs» *). Мы горячо протестуемъ противъ того, чтобы эксплуатируемаго, обираемаго крестьянина, живущаго трудами рукъ своихъ, въ потѣ лица своего *недопдающаго* «хлѣбъ свой»,—какъ будто въ насмѣшку надъ его каторжнымъ трудомъ, надъ его кровавымъ потомъ—объединяли въ одномъ разрядѣ «буржуазіи» вмѣстѣ съ его праздными и сытыми властелинами, съ его вампирами—эксплуататорами, помѣщиками, «современными» сельскими хозяевами и деревенскими «денежными мѣшками». И насъ хотятъ увѣрить, что между ними—только количественная («крупный»—«мелкій») разница, а не качественная. Какъ будто здѣсь все дѣло въ размѣрахъ одной и той же хозяйственной категоріи—трудоваго и буржуазно-капиталистическаго хозяйства. Это возведеніе всего нашего «крестьянства, какъ цѣлаго», въ рангъ буржуазіи—хотя бы и мелкой—кажется намъ вопіющимъ насиліемъ и надъ дѣйствительностью, и надъ человѣческой логикой, и надъ человѣческимъ чувствомъ; не считаясь ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, ни съ третьимъ, насъ увѣряютъ, что эта, хорошо намъ знакомая фигура мужика—«чи работаютъ грубыя руки, предоставивъ почтительно намъ погружаться въ искусство, въ науки, предаваться мечтамъ и страстямъ»—есть фигура *буржуа*, въ то время, какъ даже мы, сами мы, которымъ онъ все это «почтительно предоставляетъ»—интеллигентные *пролетаріи*.

Нѣтъ, въ эту несообразность, увѣровать,—*buia absurdum est* *) насъ никогда не заставятъ. Пусть говорятъ про насъ, что хотятъ, но мы глубоко убѣждены, что поступаемъ правильно, *соединяя*, а не *раздѣляя*

*) «Рабочіе, крестьяне, мы всѣ—великая партія работниковъ».

крестьянина-земледѣльца, крестьянина труженика и безземельнаго, безхозяйнаго пролетарія-батрака. Къ нимъ, какъ къ двумъ трудовымъ братьямъ, будемъ мы обращаться и впредь, на нихъ будемъ мы опираться въ деревнѣ, рука объ руку съ ними мы будемъ итти отъ побѣды къ побѣдѣ, пока не донесемъ нашего знамени до его конечной великой цѣли.

Мы еще вернемся въ одной къ слѣдующихъ статей къ вопросу о томъ, совпадаютъ, или не совпадаютъ понятія *пролетаріата и рабочаго класса*. Теперь же намъ предстоитъ повѣрить на фактахъ наши положенія о солидарности интересовъ труженика земледѣльца и батрака пролетарія, а также о способности перваго на ряду съ послѣднимъ быть опорой народнаго социализма въ деревнѣ.

Всѣ извѣстные намъ факты единогласно свидѣлствуютъ о томъ, что *пролетаризация* трудового крестьянства вовсе не является выигрышемъ, плюсомъ для дѣла революціонизированія деревни; что самостоятельный рабочій земледѣлецъ, какъ таковой, очень воспримчивъ къ социалистической пропагандѣ; воспримчивъ не менѣе (иные рѣшаются даже утверждать—*больше*), чѣмъ сельскохозяйственный батракъ, пролетарій.

На Бреславльскомъ партейтагѣ германской социал-демократіи это констатировалось многими деревенскими пропагандистами и теоретиками «Должны ли мы допустить сдѣлаться пролетаріемъ болѣе высоко стоящаго крестьянина, чтобы онъ тогда самъ пришелъ къ намъ? спрашивалъ Кваркъ, «Нѣтъ, это не такъ. Наоборотъ, нашимъ былъ бы скорѣе болѣе развитой, не совсѣмъ обнищавшій крестьянинъ, если бы мы сами не отнимали у него почти искусственно довѣрія къ намъ! «Мы—говорилъ Фонъ-Эльмъ—уже нашли доступъ именно? но къ мелкому крестьянству, которое въ нѣкоторыхъ округахъ значительно доступнѣе для насъ, чѣмъ обнищавшій сельскій рабочій». «Поденщикъ и слуга гораздо болѣе зависимы, чѣмъ мелькій крестьянинъ—говорилъ Бокъ—и между послѣдними у насъ есть довѣренныя

*) «Потому, что, это нелѣпо».

люди». «Я знаю изъ собственныхъ наблюдений—говорилъ Давидъ, самъ человѣкъ деревни: что въ общемъ крестьянинъ—сообразительный и практически мыслящій человѣкъ; нельзя смотрѣть на своеобразность крестьянина, какъ на его отсталость... Во всякомъ случаѣ крестьянинъ—гораздо болѣе демократическая и способная къ сопротивленію натура, чѣмъ, напримѣръ, какой-нибудь остъ-эльбскій сельскій рабочій».

Намъ, можетъ быть, возразятъ: но вѣдь такъ утверждаютъ разные Давиды, фонъ-Эльмы—бернштейнціи оппортунисты, «критики». Они сами заражены мелкобуржуазнымъ духомъ и было бы странно, если бы они не превозносили «мужичка». Хорошо, послушаемъ теперь крайнихъ лѣвыхъ—Либкнехта и Мелькенбурга. *«Съ крестьянами,—которые въ сущности столь же интеллигентны, какъ и горожане, по которымъ имѣютъ свой собственный кругъ дѣйствій и идей и свой собственный языкъ,—нужно говорить ихъ языкомъ, нужно примѣняться къ ихъ обстоятельствамъ...—говорилъ на томъ же партейтагѣ Либкнехтъ: я никогда иначе и не велъ сельской агитаціи. Я очень долго выступалъ въ полугемлетѣльческихъ избирательныхъ округахъ, и въ Оберъ-Гессенѣ, моей родинѣ, гдѣ особенно оживленное аграрное движеніе, я велъ сельскую агитацію съ хорошимъ успѣхомъ. Я нашелъ, что крестьянъ можно привлечь къ социалистической программѣ, даже нисколько не затемняя отъ нихъ нашихъ цѣлей. Мы должны говорить имъ всю правду и ничего, кромѣ правды, но такъ, чтобы они понимали эту правду при помощи наглядной дѣйствительности».*

«Разговоръ объ антисоциалистическомъ духѣ крестьянства, объ его узости—все это общія мѣста, неосновательность которыхъ можно доказать тысячью примѣровъ, взятыхъ изъ практической жизни, говорилъ Молькенбургъ, одинъ изъ самыхъ опытныхъ пропагандистовъ среди крестьянъ. «Въ 1867 г. въ Восточной Пруссіи произошелъ крахъ сельскаго ховяйства, которое тамъ раньше велось. Тысячи рабочихъ обнищали и голодали, но социалистовъ мы изъ нихъ не получили... Дѣлать крестьянину не годится. Но, съ другой стороны,

нелѣпо его и оскорблять, кивая на его ограниченность, на «собственнический фанатизмъ»...

Даже Каутскій, тотъ самый Каутскій, который мѣстами выступаетъ отчаяннымъ крестьянофобомъ и сторонникомъ пролетаризаціи крестьянства, вынужденъ признать, что въ деревнѣ условія своеобразны и тамъ «нельзя ожидать социалистическаго движенія одинаковаго характера съ тѣмъ, которое происходитъ въ городѣ. Рабочіе слои *) деревни слишкомъ зависимы и слишкомъ контролируемы, чтобы въ деревнѣ такъ же, какъ и въ городѣ, могли развиваться рабочіе фѣрейны, чтобы одинаковое распространеніе нашла себѣ здѣсь и рабочая пресса... *Крестьянъ, конечно, можно легче организовать, среди нихъ легче приобрести и подписчиковъ газетъ, этимъ-то и порождается сильное стремленіе приспособить деревенскую агитацію не къ потребностямъ тѣхъ слоевъ сельскаго населенія, которые по своему классовому положенію стоятъ ближе всего къ пролетариату, а къ потребностямъ самостоятельныхъ крестьянъ, среди которыхъ эта агитація, если она дѣйствительна, скорѣе всего можетъ принести осязательные плоды*»...

Перейдемъ въ Бельгію—и тамъ, въ социалистической аграрной анкетѣ Зео и Вандервельда, мы между прочимъ встрѣтимся съ указаніемъ, что, напр., въ округѣ Aichegen Refail крестьяне значительно податливѣе къ социалистической пропагандѣ сравнительно съ наемными рабочими, хотя бы уже вслѣдствіе своей большей независимости. Перейдемъ въ Италію—тамъ мы наталкиваемся на засвидѣлительственный Гатти отзывъ нѣкоторыхъ сицилійскихъ пропагандистовъ, что въ Сициліи «социалистическая пропаганда менѣе трудна среди мелкихъ собственниковъ, чѣмъ среди сельскохозяйственнаго пролетариата» («Agricoltura e Socialismo»).

Переходимъ въ Голландію,—и мы не менѣе поучительныя данныя найдемъ, напр., у Флигена («Das Agrarprogramm der niederlandischen Socialdemocratie»).

*) Подъ рабочими слоями Каутскій разумѣетъ пролетарскіе (Ред.).

Флигенъ констатируетъ, что чрезвычайно трудно отдѣлить нѣкоторые классы такъ называемыхъ «земледѣльцевъ» (крестьянъ) отъ пролетаріевъ; при массѣ переходныхъ ступеней, при стремленіи самихъ пролетаріевъ обезпечить себя хоть не большимъ клочкомъ земли «о классовой борьбѣ въ обычномъ смыслѣ этого слово (Флигенъ, очевидно, имѣетъ въ виду *чисто пролетарскую* классовую борьбу) не можетъ быть никакой рѣчи».

Если прибавить сюда пауперизмъ сельскихъ рабочихъ, ихъ кочевнический бытъ, непостоянство ихъ заработка, то будетъ понятно почему «попытка сѣздать профессиональные рабочіе союзы сельскихъ наемныхъ рабочихъ разбилась о вышеупомянутыя условія». И голландская социаль-демократія вынуждена была, оставивъ предвзятые взгляды, притти къ заключенію, что «необходимъ союзъ между крестьянами и сельскими наемными рабочими, чтобы улучшить положеніе обоихъ этихъ слоевъ».

Къ тому же пришлось притти и въ Бельгіи и въ Италіи. Въ Италіи земледѣльческой рабочей конгрессъ, провозгласившій социалистическій принципъ, тоже, несмотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ марксистовъ теоретиковъ, принялъ принципъ союзнаго движенія сельскохозяйственнаго пролетаріата и трудового крестьянства, и единую рабочую организацію, охватывающую оба эти слоя.

Въ Австріи, на Грацкомъ партейтагѣ, референтъ Элленбогенъ и нѣкоторые другіе ораторы такимъ же образомъ характеризовали степень доступности крестьянъ и батраковъ социалистической пропагандѣ.

Интересна сдѣланная Добіачемъ (Dobiatch) классификація различныхъ слоевъ сельскаго населенія по степени ихъ доступности для социалистической пропаганды. «Ниже всѣхъ—говорилъ онъ—стоятъ кнехты: они болѣе всего нуждаются въ защитѣ, но труднѣе всего поддаются агитаціи. Нѣсколько доступнѣе—хотя опять-таки лишь при величайшихъ усиліяхъ—являются поденщики у крупныхъ крестьянъ и арендаторовъ... начинать съ ними приходится прямо съ азбуки. Дальше

идутъ тѣ, которые получаютъ въ аренду клочекъ земли: и между ними работа страшно трудна, но не вовсе невозможна. Относительно всего доступнѣе среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ тѣ, которые имѣютъ небольшую остьдлость, владѣютъ одной-двумя коровами, зимою остаются дома, а весною работаютъ въ городахъ. Довольно доступны также для насъ мелкіе крестьяне, живущіе отъ своей нивы, но не примѣняющіе никакихъ вспомогательныхъ рабочихъ силъ. Средній слой доступенъ уже менѣе. Я того взгляда, что мы должны требовать законодательной защиты для поденщиковъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, при агитаціи же переносить центръ тяжести на мелкихъ крестьянъ. Съ крупными крестьянами у насъ дѣло не пойдетъ». Что касается Элленбогена, то изъ обзора движенія въ Бельгіи, Германіи, Франціи, Италіи, Даніи и Венгріи онъ заключаетъ: «Изъ всего вытекаетъ слѣдствіе, что только тамъ достигали успѣха, гдѣ партія не ограничивалась только сельскохозяйственными наемными рабочими, но распространяла агитацію и на мелкихъ крестьянъ».

Фридрихъ О. Герцъ въ своей брошюрѣ «Agrarfrage und Socialismus» такъ формулируетъ сущность положенія: «Дѣло организаціи сельскохозяйственнаго рабочаго связано съ большими трудностями. Онъ обособленъ, работаетъ часто одинъ, не находясь въ постоянномъ общеніи съ товарищами, какъ то наблюдается въ городѣ; низкій образовательный уровень, недовѣрчивость, отсутствіе потребностей, разнообразіе въ положеніи и въ интересахъ—все это препятствія для его организаціи... Короче говоря, для чисто-рабочаго (пролетарскаго) движенія въ деревнѣ мы не видимъ ободряющихъ данныхъ ни въ условіяхъ дѣйствительности, ни въ предшествовавшемъ опытѣ. Скорѣе является безусловно необходимымъ втянуть въ агитацію и нѣкоторую часть крестьянъ». Въ другомъ мѣстѣ (Die Agrarischen Fragen im Verhältniss zum Socialismus) онъ, ссылаясь на опытъ всѣхъ деревенскихъ пропагандистовъ, утверждаетъ, что безъ содѣйствія другихъ слоевъ сельскаго населенія невозможна дѣйствительная организація поденщиковъ крупныхъ имѣній.

Межетъ быть иначе обстоить дѣло во Франціи? Послушаемъ Жореса. „Итакъ во, Франціи—говорить онъ въ своей брошюрѣ: *Socialism at pausans*—сельскохозяи-
ственные рабочіе, батраки и поденщики; не достигли
класового самосознанія и чувства единства, они изны-
ваютъ до настоящаго времени подъ властью хозяевъ
всевозможныхъ сортовъ, которые распоряжаются по сво-
ему произволу и трудомъ и досугомъ ихъ; и сельско-
хозяйственные рабочіе, не имѣющие никакой собствен-
ности, въ нашей странѣ представляютъ классъ настолько
зависимый и казались настолько *quantité negligeeable*,
что палатѣ депутатовъ никогда даже въ голову не при-
ходило задуматься о законодательствѣ въ ихъ пользу“...
Въ другой позднѣйшей работѣ („*Le mauveinet rural*“) онъ
указываетъ, что сельскія наемные рабочіе рѣдко
являются „чистыми пролетаріями“, и что число такихъ
чистыхъ пролетаріевъ имѣетъ тенденцію уменьшаться*).
А между тѣмъ „вполнѣ естественно, что трудно созда-
вать сильное пролетарское движеніе въ мѣстностяхъ,
гдѣ самая субстанція этаго движенія—сельско хозяй-
ственный пролетаріатъ—обнаруживаетъ стремленіе умень-
шаться! Нечего говорить про тѣ мѣстности, гдѣ боль-
шинство населенія собственники арендаторы или
половинщики. Здѣсь не только будущее сулитъ мало,
но и въ настоящемъ условія „мало благоприятны для
движенія исключительно и чисто пролетарскаго“ Ср.
также пессимистическій отзывъ Ж. Гада въ статьѣ „*Les syndicats ouvriers*“ („*La revue socialiste*, 1880 г.“)

И въ то же время среди французскихъ социалистовъ
нерѣдкость радужно-оптимистическіе отзывы о «пред-
расположеніи крестьянъ къ социализму» (См., напр., *La socialisme agraire* Адм. Вебера) А инны буржуазные
публицисты (какъ George Michel въ *L'Economiste Fran-
cais*) тревожно восклицаютъ: «съ другой стороны, изъ
всѣхъ агентовъ революціоннаго движенія самый опас-
ный— это тотъ мелкій собственникъ, земля котораго
истощена ипотеками, и доходъ, поглащаемый отчасти

*) Какъ извѣстно, это наблюдается и во Франціи и въ
Германіи, и въ Соед. Штатахъ, и т. д.

фискомъ, не можетъ болѣе удовлетворять его потребности».

Въ городѣ пролетаризація ремесленниковъ положила начало классу гораздо болѣе революціонному, сплоченному и способному къ борьбѣ—индустріальному, пролетариату. Теоретики, незнакомые съ аграрными отношеніями, охотно судя по аналогіи, стали ожидать отъ пролетаризаціи крестьянства созданія и въ деревнѣ «истинно-революціоннаго класса». Они ни замѣтили, что въ области земледѣлія творческая, организующая роль капитализма совершенно отступаетъ передъ его разрушающей, дезорганизующей ролью. Они забыли то, на что указывалъ уже Марксъ: «разсѣяніе *сельскихъ* рабочихъ на большихъ пространствахъ *слабываетъ* силу ихъ сопротивленія, между тѣмъ какъ скопленіе *городскихъ* рабочихъ *увеличиваетъ* ее... Капиталистическое производство... разрушаетъ физическое здоровье городскихъ работниковъ и *духовную жизнь сельскихъ*»...

Они провозгласили въ деревнѣ единственнымъ истинно-революціоннымъ классомъ пролетариатъ, а самостоятельное трудовое крестьянство зачислили въ рангъ буржуазіи. Жизнь жестоко насмѣялась надъ ихъ построеніями. «Мелкій буржуа» оказался не менѣе, иногда даже болѣе доступенъ для соціалистической агитаціи и организаціи, чѣмъ «пролетарій». Союзъ трудового крестьянства и пролетариата подсказывался всѣмъ опытомъ движенія, всей моралью борьбы. Наконецъ, догма разбилась о жизнь, и цѣлый рядъ практиковъ и теоретиковъ соціализма провозгласилъ, что нельзя сельскій рабочій классъ сужать рамками безхозяйственнаго пролетариата. Началась организація широкой арміи труда впротивствѣ арміи капитала. Въ трудовомъ крестьянствѣ увидѣли не «буржуа», а «работника». И его пресловутый «фанатизмъ собственности» оказался въ цѣломъ рядѣ случаевъ, у цѣлаго обширнаго слоя деревни, «фанатизмомъ труда», не *Eigennutss fanatismus*, а *Arbeitsfanatismus*, мастерскую характеристику котораго далъ нашъ Успенскій въ своей «Власти земли», въ главѣ о «Поэзіи земледѣльческаго труда».

II.

Пролетаріи-батраки въ русской деревнѣ.

Когда со стороны одной части русскихъ марксистовъ мы встрѣчаемъ упреки въ забвеніи классового принципа, особенно въ примѣненіи къ работѣ среди крестьянъ,—то, какъ мы уже видѣли, мы имѣемъ дѣло съ простымъ недоразумѣніемъ. Мы различно определяемъ содержаніе понятія «рабочій классъ». Съ нашей точки зрѣнія этимъ понятіемъ охватываются тѣ элементы деревни, источникомъ существованія которыхъ является *трудъ*, и ровно постольку, поскольку этимъ источникомъ является трудъ. Для многихъ изъ нашихъ марксистовъ, напротивъ, понятіе рабочаго класса является болѣе узкимъ, охватывая собою лишь пролетарскіе, безхозяйственные элементы деревни. Они хотятъ защищать интересы *наемнаго труда*; мы готовы защищать интересы *труда вообще*, выносятся ли онъ своимъ обладателемъ на рынокъ, или самостоятельно прилагается къ средствамъ производства (своимъ собственнымъ, общиннымъ, товарищескимъ или арендованнымъ). Они готовы ставить въ упрекъ всѣмъ своимъ предшественникамъ, что «они были социалистами, но не были еще социальными демократами, такъ какъ не понимали, что *только рабочій-пролетарій*, у котораго въ настоящемъ нѣтъ никакой собственности, а лишь непрерывный каторжный трудъ, можетъ проникнуться ихъ ученіемъ и послѣдовать ему». Мы же убѣждены, что «непрерывный каторжный трудъ» является удѣломъ и сохранившаго свою хозяйственную самостоятельность земледѣльца, а потому и этотъ послѣдній по самому суще-

ству своему не можетъ быть враждебнымъ социализму, этому «царству труда», и долженъ быть враждебнымъ капитализму, этому «царству эксплуатаціи труда». Этотъ работающій не подѣ «чужимъ загадомъ», а на свой личный рискъ и страхъ земледѣлецъ, говорящій своей сивкѣ и своей сохѣ: «я самъ другъ съ тобою, слуга и хозяинъ» живетъ жизнью, основанной на «законѣ труда». Социализмъ хочетъ только поднять основу его личной жизни—трудъ—на степень основы всего общественнаго порядка, фундамента всего общественнаго зданія будущаго. Потому социалистъ и вправѣ, обращаясь къ такому мужику земледѣльцу, какъ и мужику-пролетарію, сказать: «это—ваше кровное дѣло; мы хотимъ воздвигнуть зданіе, въ которомъ вы *люди труда* будете краеугольнымъ камнемъ».

Извѣстная часть марксистовъ—говорящихъ устами хотя бы В. Поссе изъ «Жизни»—желаютъ и теперь выдерживать до конца свою «чисто пролетарскую» точку зрѣнія. Они считаютъ возможнымъ опираться лишь на пролетаріатъ. Это не значитъ, конечно, чтобы имъ хотѣлось ограничить арену своей дѣятельности городскими рабочими кварталами. Нѣтъ, они ничего не имѣютъ и противъ работы въ деревнѣ. Но здѣсь они хотятъ найти слой, который также сущностью своего положенія былъ бы предназначенъ для демократическаго движенія, какъ индустріальный пролетаріатъ въ городѣ. И они находятъ этотъ слой. Въ деревнѣ—говоритъ «Жизнь»—этому фабричному пролетаріату соответствующъ безземельные сельскохозяйственные рабочіе, работающіе на *чужой* землѣ *чужими* орудіями. «Между крестьянами-собственниками намъ трудно искать товарищей, но нашими товарищами сдѣлаются не только фабрично-заводскіе, но и всѣ сельскохозяйственные рабочіе. Къ нимъ прежде всего мы должны итти съ нашей пропагандой, вѣдь и среди нихъ дѣло только еще начато».

Такимъ образомъ, прокладывать дорогу въ деревню социалисты должны черезъ сельскій пролетаріатъ. А ужъ потомъ черезъ его посредство «пропаганда коснется и крестьянъ, которые могутъ понять демократическую

16. 931

Львів. Бібліотека
АН. УРСРЛьвівська державна
наукова бібліотека

1447

КНИГОЗБІРНЯ

"СТУДІОН"

у Львові

часть нашей программы» (соціалистической же они стало быть понять не могут).

Если въ деревню соціализму пролаживать дорогу трудно, то, очевидно, нужно намѣтить линію наименьшаго сопротивленія, по которой туда проникнуть всегда легче. Согласно мнѣнію В. Поссе, эта линія идетъ черезъ сельскохозяйственный пролетаріатъ. Мы не знаемъ, насколько знакома для В. Поссе деревня. Но было бы небезынтересно узнать, какой опытъ доказалъ ему это? Мы уже видѣли, что опытъ Западной Европы говоритъ, повидимому, иное. На основаніи этого опыта большинство практическихъ дѣятелей тамъ пришли даже къ убѣжденію, что исключительно, чисто-пролетарскаго движенія въ деревнѣ ожидать трудно. Какъ же тутъ быть? Или въ Россіи какія то особенныя условія? Или въ Россіи сельскохозяйственный пролетаріатъ доступнѣе для соціалистической пропаганды и организаціи, поставленъ благопріятнѣе для самостоятельнаго, обособленнаго отъ другихъ слоевъ деревни движенія? Или въ Россіи крестьянство болѣе индивидуалистично, болѣе проникнуто пресловутымъ «собственническимъ фанатизмомъ»?

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ сельскохозяйственнымъ пролетаріатомъ. Мы будемъ ссылаться исключительно на марксистскихъ авторовъ — ихъ то, тадо полагать, ужъ никто не заподозритъ въ стремленіи сендеціозно преуменьшать значеніе *пролетарскаго* элемента въ современной русской деревнѣ.

Беремъ, прежде всего, извѣстную книгу Гурвича — «Экономическое положеніе русской деревни». Опредѣливъ численность сельскохозяйственнаго пролетаріата въ Россіи чрезвычайно крупной цыфрой — отъ 2 до 8 % населенія — этотъ экономистъ прибавляетъ: «Но процентныя отношенія даютъ иногда должныя представленія объ явленіяхъ, внѣ соотношенія съ абсолютными цыфрами. Когда говорится о 2 % стомилліоннаго населенія, то возникаетъ иллюзія, будто эти 2 % представляютъ двухмилліонный деревенскій пролетаріатъ съ рѣзко выраженными классовыми интересами. Но мы знаемъ, что эти пролетаріи разсѣяны по деревнямъ, съ населе-

нѣмъ въ 62 двора среднимъ числомъ на каждую. Стало быть, максимумъ въ 8% шестидесяти двухъ дворовъ означаетъ всего на всего лишь пять пролетарскихъ семей, а минимумъ въ 2% — лишь одну пролетарскую семью европейскаго типа — на деревню. Отсюда, мнѣ кажется, слѣдуетъ, что о развитіи пролетарскаго классового духа («proletarisches Klassenbewusstsein») въ современной русской деревнѣ не можетъ быть и рѣчи...» *)

Развѣ эта — не та же картина, что и на западѣ? По аналогіи намъ невольно припоминаются слова одного яраго французскаго синдикалиста, изъ тѣхъ, которыхъ нѣмцы называютъ Nur Gewereckschaffler'ами. Объясняя, почему не удавались опыты съ организаціей профессиональных синдикатовъ сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, онъ говоритъ: «Что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ сдѣлать полезнаго нѣсколько рабочихъ, разбѣянныхъ въ мелкихъ коммунахъ, въ поселкѣ или на фермахъ, хотя общее число этихъ рабочихъ и значительно? Если они устроятъ синдикатъ въ главномъ городѣ округа, способномъ сгруппировать ихъ мелкіе ресурсы, то будутъ ли они имѣть время, чтобы регулярно собираться для обсужденія своихъ общихъ интересовъ, для ближайшаго ознакомленія другъ съ другомъ, чтобы между ними могли зародиться взаимное довѣріе и солидарность? Нѣтъ. Потому-то мы и не вѣримъ въ будущность синдикатовъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ»...

Аналогія полная...

Но не одинъ Гурвичъ такъ характеризуетъ положеніе дѣлъ въ русской деревнѣ. Обратимся къ журналу «Работникъ», выходившему подъ редакціей Плеханова и его единомышленниковъ. Въ № 5—6-омъ этого журнала мы находимъ любопытную статью «Сельскіе рабочіе въ юго-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи». Статья эта для насъ тѣмъ болѣе интересна, что написана она марксистомъ ортодоксомъ, а priori убѣжден-

*) И. Гурвичъ. „Экономическое положеніе русской деревни“, Москва, 1896 г., стр. 139.

нымъ, что революціонизируется мужикъ лишь постольку, поскольку пролетаризируется. Эту мысль авторъ старается провести, съ этой точки зрѣнія онъ и старается освѣтить факты. Но жизнь оказывается сильнѣе, и авторъ по ироніи судьбы на каждомъ шагу самъ свѣдѣтельствуешь противъ себя.

Говоря объ экономически слабой части деревни, авторъ замѣчаетъ, что каждый изъ ея представителей «является передъ нами то въ видѣ самостоятельнаго— по крайней мѣрѣ, по формѣ—производителя, то въ видѣ наемнаго рабочаго. И это обстоятельство имѣетъ немаловажное значеніе. Оно ставитъ эту экономически слабѣйшую группу во внутреннее противорѣчіе; выступая въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, они склонны къ организаціи, къ объединенію для борьбы со своими эксплуататорами; какъ самостоятельные хозяева, какъ частные собственники, они являются взаимными конкурентами» (стр. 71).

Таково истолкованіе фактовъ. Теперь бросимъ взглядъ на самые факты. Исходя изъ сказаннаго, слѣдовало бы ожидать, что совершенно безхозяйный элементъ—батраки—окажутся наиболѣе склонными къ организаціи, объединенію, борьбѣ. Послушаемъ автора: «Батраки—самая безнадежная часть сельскихъ рабочихъ въ смыслѣ воспримчивости къ революціонной пропагандѣ. Разбросанные небольшими группами (у хозяйственныхъ мужичковъ ихъ бываетъ по 1—2 чел.) они относятся къ своему хозяину скорѣе какъ слуга къ своему господину, чѣмъ какъ рабочіе къ капиталисту. *Никогда не приходилось замѣчать среди такихъ рабочихъ дружнаго протеста.* Всѣ ихъ стремленія лежатъ позади ихъ настоящаго положенія, въ желаніи возстановить свое рухнувшее хозяйство, снова сдѣлаться частнымъ собственникомъ; они ждутъ своего спасенія не отъ общей борьбы противъ своихъ эксплуататоровъ, а отъ борьбы cadaque porozi за свою мелкую собственность, не отъ объединенія, а отъ конкуренціи... Уровень ихъ умственнаго развитія чрезвычайно низокъ, чувство собственного достоинства въ нихъ совершенно неразвито».

Когда дѣло дошло до фактовъ, то оказалось, что

конкуренція,—которая въ теоріи была отдѣлена въ достояніе мелкимъ собственникамъ—разъѣдаетъ ряды и батраковъ. А какъ ведутъ себя эти мелкіе собственники, когда имъ приходится сниматься съ мѣста и заниматься къ помѣщику? По этому поводу намъ опять даютъ взаимно противорѣчація теоретическое соображеніе и фактическое указаніе. «Хотя кругъ крестьянъ, приходящихъ на такія работы, довольно опредѣленный, но срочная, постоянная организація среди нихъ едва ли возможна, такъ какъ у себя дома они частные собственники», и непосредственно же вслѣдъ за этимъ мы читаемъ: *на массовой работѣ они однако очень восприимчивы ко всякому возбужденію протеста, что намъ приходилось не разъ наблюдать при, такъ называемыхъ на языкѣ мѣстнаго начальства, недоразумѣніяхъ съ рабочими, иногда кончавшихся временнымъ успѣхомъ послѣднихъ* *)).

Ярче обнаружить противорѣчіе теоріи съ жизнью не могъ бы ни одинъ критикъ «исключительно, чисто-пролетарской» точки зрѣнія. Мы можемъ только прибавить, что специфическій уголь зрѣнія помѣшалъ автору отмѣтить и оцѣнить слѣдующій фактъ: крупныя владѣльческія экономіи договариваются очень часто съ подрядчиками и посредниками, чтобы нанимаемыя ими артели рабочихъ состояли изъ крестьянъ не одной и той же деревни, а разныхъ деревень. Чего же боятся г.г. помѣщики? Очевидно, чего-то другого, а не того, что «у себя дома эти крестьяне—мелкіе собственники, а слѣдовательно, конкуренты». Но этого «другого»—солидарности самостоятельнаго и трудового крестьянства внутри деревенской общины—авторъ а priori допустить не могъ, а потому на соотвѣтственные факты онъ глядѣлъ и ничего не видѣлъ...

Не всѣ однако марксисты способны закрывать глаза на дѣйствительность. И все чаще и чаще сквозь шаблонныя рѣчи о пролетаризаціи и капитализаціи, которыя якобы однѣ способны внести въ деревню свѣтъ

*) Тамъ же, стр. 75—76 (всѣ курсивы въ цитатахъ принадлежатъ намъ).

классовой борьбы, проскальзываютъ, напр., такіа рѣчи, что «во все учащающихся волненіяхъ крестьянства проявляются также чувства солидарности, товарищества, готовности къ борьбѣ за общіе интересы,—и въ этомъ залогъ его лучшаго будущаго»,—залогъ того, что съ развитіемъ рабочаго движенія и крестьянство не останется безучастнымъ зрителемъ и безъ колебанія станетъ на сторону борцовъ за свободу и счастье *всего народа*.

До сихъ поръ мы говорили объ отдѣльныхъ авторахъ и органахъ. Но по интересующему насъ вопросу мы имѣемъ также и опредѣленное *официальное* мнѣніе всей русской социаль-демократіи. На международномъ социалистическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ въ 1896 г. русская секція конгресса, цѣликомъ состоявшая изъ социаль-демократовъ, представила докладъ по аграрному вопросу, докладъ, въ которомъ мы читаемъ: «Въ современной Россіи существуетъ лишь одинъ революціонный классъ, который не только заинтересованъ въ политическомъ переворотѣ, но всѣми условіями своего существованія прямо вынуждается жить въ непрерывной войнѣ съ существующими политическими порядками. Этотъ классъ—*промышленный* *) пролетаріатъ». «Иначе обстоитъ дѣло съ сельскимъ пролетаріатомъ. Отсталость всѣхъ экономическихъ и социальныхъ условій ставить въ *настоящее время* всякой *систематичной и плановой* дѣятельности въ его средѣ величайшія препятствія. Сельскихъ рабочихъ насчитываютъ въ 50 губ. коренной Россіи три съ половиной милліона взрослыхъ мужчинъ. Но большая часть этихъ наемныхъ рабочихъ состоитъ изъ поземельныхъ собственниковъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство. Такіе крестьяне занимаютъ промежуточное положеніе между неимущими сельскими пролетаріями и сельской буржуазіей. Но и экономическое положеніе сельскихъ пролетаріевъ отнюдь не таково, чтобы въ ближайшемъ будущемъ въ нихъ могло про-

*) Курсивъ нашъ.

будиться рѣзко выраженное классовое самосознаніе. Классовая противоположность налицо, но до классового сознанія она еще не созрѣла. Эти психологическіе результаты соціально-экономическаго положенія сельскаго пролетаріата въ связи съ его разбросанностью, его низкимъ умственнымъ уровнемъ, съ его привязанностью къ традиціямъ и чрезмѣрной вѣрой въ царя образуютъ въ своей совокупности непреодолимые преграды для политической и соціальной агитаціи, стоящей внѣ закона. При такихъ условіяхъ возможно вызвать отдѣльные бунты въ сельскомъ населеніи, но систематическая агитация, все болѣе и болѣе обостряющая классовое самосознаніе, невозможна».

И въ главномъ марксистскомъ органѣ того времени— «Рабочникѣ» Г. Плеханова это заявленіе русской секціи Лондонскаго конгресса комментировалось, аргументировалось, поддерживалось. «Что касается сельскаго пролетаріата—читаемъ мы, напримѣръ, въ № 3—4 «Работника»—то, отнюдь не отрицая бѣдственности его положенія, составители доклада думаютъ, что при его разбросанности, при его чрезмѣрной вѣрѣ въ царя, при низкомъ умственномъ уровнѣ, политическая и социалистическая агитация въ его средѣ невозможна при *настоящихъ политическихъ условіяхъ*».

Такимъ образомъ люди, намѣренно ограничившіе въ деревнѣ поле своего зрѣнія батраками-пролетаріями, «работающими на *чужой* землѣ *чужими* орудіями», совершенно отрѣзали себя отъ деревни, отъ вліянія на нее при *современныхъ* политическихъ условіяхъ.

Но какъ измѣнить эти условія? Какъ свергнуть старый порядокъ, если громадное большинство населенія Россіи—крестьянство—будетъ попрежнему пассивно? Объ этомъ особенно слѣдовало бы подумать именно марксистамъ, ибо они настойчиво противопоставляютъ себя «бланкистамъ», «якобинцамъ», желающимъ опереться на «революціонное меньшинство». Какъ же оставляя въ сторонѣ деревню, рассчитываютъ марксисты пріобрѣсти опору въ массѣ, въ большинствѣ населенія, чтобы произвести политическій переворотъ? Возможно ли это помимо и даже противъ воли крестьянства? Не

является ли необходимымъ заручиться въ деревнѣ хотя такимъ числомъ сторонниковъ, чтобы оно было достаточно для нейтрализаціи въ критическій моментъ происковъ реакціи.

Къ этимъ вопросамъ въ социаль-демократической прессѣ до послѣдняго времени относились слишкомъ легко. Да и въ настоящее время все еще возможны попытки обойти вопросъ, или рѣшить его слишкомъ упрощеннымъ образомъ.

Въ той же статьѣ «Жизни» В. Поссе говорить: «я не думаю, чтобы безъ «перетасовки земельной собственности», безъ крестьянскаго движенія невозможна была замѣна правленія бюрократическаго правленіемъ конституціоннымъ. Эта замѣна произойдетъ, мнѣ кажется, *гораздо проще*, чѣмъ думаетъ товарищъ, подписавшійся «голосомъ изъ деревни» (утверждавшій, что необходимо крестьянское движеніе и, какъ его результатъ—перетасовка земельной собственности). Бюрократическая машина слишкомъ неуклюжа, чтобы справляться со всею осложнившеюся русской жизнью» и если «либералы», настоящимъ образомъ испугавшись рабочаго движенія, *хорошенько попросятъ* конституцію, то имъ ее *навѣрное дадутъ...*

«Проще», дѣйствительно, трудно себѣ представить. Все это такъ просто, такъ просто, что невольно хочется воскликнуть: о sancta simplicitas! о, святая простота...

III.

Перемѣна тактики.

Въ деревнѣ социалистамъ прежде всего приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что и самостоятельное трудовое крестьянство и сельскій пролетаріатъ обнаруживаютъ сильнѣйшее тяготѣніе къ землѣ. Есть фракція социалистовъ, которая считаетъ это стремленіе по самому существу своему стремленіемъ реакціоннымъ. Для нея кличъ малоземельныхъ крестьянъ и безземельныхъ батраковъ: «земли, земли» кажется не болѣе, какъ пережиткомъ стараго времени, слѣпой традиціей, съ которой крестьянство, а особенно сельскій пролетаріатъ—должны безповоротно раздѣлаться; и чѣмъ скорѣе они съ ней раздѣлаются, тѣмъ лучше. Увеличеніе числа сельскихъ батраковъ на счетъ числа самостоятельныхъ крестьянъ—вотъ то явленіе, которое, съ этой точки зрѣнія, будучи закономъ развитія сельскохозяйственнаго производства, раньше или позже положить конецъ всѣмъ утопіямъ и иллюзіямъ этого рода и заставить не только пролетаріатъ, а и пролетаризирующееся крестьянство выработать въ себѣ чисто-пролетарскую психологію, свободную отъ старомужицкой «тяги къ землѣ».

Взглядъ этотъ выработанъ по «аналогическому методу», путемъ механическаго перенесенія на деревню воззрѣній, правильныхъ для совершенно иныхъ условий—условій городского индустріальнаго развитія. Факты, дѣйствительность во многихъ пунктахъ рѣзко противорѣчатъ этому взгляду. Достаточно указать на то, что въ большинствѣ культурныхъ странъ послѣднія статистическія изслѣдованія обнаружили не ростъ, а, на-

оборотъ, абсолютное уменьшеніе численности сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Сезонный характеръ сельско-хозяйственныхъ работъ заставляетъ безземельнаго батрака существовать цѣлый годъ на продуктъ труда части года; создается огромное количество наемныхъ рабочихъ, не имѣющихъ постояннаго регулярнаго заработка, то вбираемыхъ процессомъ производства, то выбрасываемыхъ; это текучій, бродячій элементъ, съ трудомъ поддающійся организаціи, и говоря словами Маркса, — всегда стоящій одной ногой въ болотѣ пауперизма. Съ другой стороны, рабочіе годовые слишкомъ малочисленны, раздробленны, разбросаны и слишкомъ зависимы. Жизнь для нихъ становится ярмомъ. Лучшие элементы бѣгутъ въ городъ, и сельско-хозяйственный пролетаріатъ благодаря этому лишается какъ разъ тѣхъ энергичныхъ людей, которые при другихъ условіяхъ могли бы быть ферментами революціоннаго броженія въ его средѣ и организаторами его освободительнаго движенія.

«Капиталистическое развитіе, — сознается даже такой правовѣрный марксистъ, какъ Каутскій, — вліяетъ въ деревнѣ иначе, чѣмъ въ городахъ. Здѣсь оно не соединяетъ людей, а разъединяетъ ихъ. Оно ведетъ не только къ относительному, но на извѣстной ступени развитія и къ абсолютному обезлюденію деревни. Оно уводитъ оттуда какъ разъ самые способные, самые энергичные и самые интеллигентные элементы. Слабѣйшіе и беззащитнѣйшіе — вотъ кто остается. Рука объ руку съ этимъ обезлюденіемъ идетъ и умственное запустѣніе деревни»...

При такихъ условіяхъ понятно, что остающіеся въ деревнѣ всѣми силами стремятся завладѣть клочкомъ земли, представляющимъ, какъ бы то ни было, нѣкоторый минимумъ относительной обезпеченности и независимости. Даже среди городскихъ рабочихъ нѣкоторыхъ типичныхъ капиталистическихъ странъ обнаруживается тенденція къ обзаведенію небольшой земельной собственностью, которая могла бы послужить «тихою пристанью» на склонѣ лѣтъ рабочему, уставшему бороться за существованіе въ водоворотѣ конкуренціи

кризисовъ, безработицы. Нѣкоторые экономисты усматриваютъ въ лихорадочной погонѣ за землей, ведущей къ ненормальному, бѣшенному возвышенію арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю,—все ту же, замаскированную, прикрытую ложной оболочкой форму вопроса о безработицѣ. Въ Россіи, гдѣ связь фабричныхъ рабочихъ съ земледѣліемъ существуетъ еще въ огромныхъ размѣрахъ, обратное перекочевываніе рабочихъ послѣ извѣстнаго промежутка времени съ фабрики въ деревню совершается и съ большей легкостью и въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Итакъ, «тяга къ землѣ» со стороны сельско-хозяйственныхъ батраковъ и малоземельныхъ крестьянъ имѣетъ подъ собою гораздо болѣе прочную и реальную основу, чѣмъ простая слѣпая традиція или закоренѣлый «собственническій фанатизмъ». Коренясь въ цѣломъ рядѣ особенностей земледѣльческаго производства, эта «тяга къ землѣ» вынудила большинство западно-европейскихъ социалистовъ обратить на нее болѣе серьезное вниманіе, считаться съ нею и соотвѣтственно усложнить свою деревенскую тактику. На этомъ пути сдѣланы были кое-какія существенныя ошибки какъ заграничными, такъ и русскими*) социаль-демократами. Но это, конечно, не значитъ, что самый путь былъ невѣренъ. На него должны были нехотя вступить даже самые упорные изъ сторонниковъ марксистской ортодоксіи.

Перемена тактики по отношенію къ деревнѣ и крестьянству съ его привязанностью къ землѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ была узаконена даже однимъ изъ отцовъ научнаго социализма, Фр. Энгельсомъ. Вопреки догмѣ, согласно которой только пролетаризація приведетъ къ социализму—догмѣ, особенно распространенной

*) Характерно, что именно ортодоксальнѣйшіе марксисты (гѣдисты во Франціи, „Искра“ въ Россіи) допустили здѣсь особенно рѣзкія погрѣшности противъ революціоннаго принципа.

въ Россіи—Энгельсъ призналъ въ статьѣ «Die Bauernkriege in Frankreich und Deutschland» возможность для крестьянъ перейти въ государство будущаго другимъ путемъ. «Мы можемъ,—говоритъ Энгельсъ,—предоставить крестьянамъ возможность *самимъ* вводить крупное производство, но не за счетъ капитала, а за ихъ собственный, *общественный* счетъ». Какъ на примѣръ, онъ указываетъ на практику датскихъ социалистовъ, пропагандировавшихъ въ деревнѣ соединеніе частныхъ крестьянскихъ участковъ и хозяйствъ воедино, при чемъ имѣется въ виду впоследствии, при общественномъ контролѣ, «постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму (um die Bauerngenossenschaft allmählig in eine höhere Form überzuführen)».—«Мы рѣшительно стоимъ на сторонѣ мелкаго крестьянина,—говоритъ Энгельсъ,—мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать его участь болѣе сносною, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, если онъ на это рѣшится, и даже—если онъ еще не можетъ принять такого рѣшенія—дать ему на его парцеллѣ срокъ пораздумать объ этомъ».—«Чѣмъ болѣе количество тѣхъ крестьянъ, которыхъ мы избавляемъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетариата (denen wir den wirklichen Absturz ins Proletariat ersparen), которыхъ мы выиграемъ для своихъ цѣлей уже, какъ крестьянъ—тѣмъ скорѣе и легче совершится социальное преобразование»...

Эти руководящія указанія Энгельса были подхвачены и развиты особенно Э. Вандервельдомъ въ Бельгій и Джеромало Гатти въ Италіи *). Не *враждебно* *противостать* крестьянской «тягѣ къ землѣ», а *направить* ее на единственно правильный путь—путь объединенія, социализированія собственности и производства—таковъ современный лозунгъ социализма въ деревнѣ. Въ духѣ этого лозунга и выработано боль-

*) Vandervelde «Le socialisme en Belgique», Gatti «Agricoltura e socialismo». Сюда же склоняются—но съ излишними уступками индивидуализму—бернштейнѣанцы Герцъ и Давидъ.

шинство „аграрныхъ программъ“ западно европейскихъ социалистическихъ партій.

Такъ, на Марсельскомъ и Натскомъ конгрессахъ французская рабочая партія («гедисты» — наиболѣе ортодоксальная марксистская фракція французскаго социализма) приняла программу, видное мѣсто въ которой занимаютъ слѣдующія мѣры (см. особ. §§ 3, 5 и 8); преимущественное право сельскихъ общинъ на аренду государственныхъ земель, увеличеніе сельской общинной собственности и употребленіе на это излишковъ бюджета общинъ; запрещеніе общинамъ отчуждать ихъ общинную землю; посредничество общинъ для передачи государственныхъ земель и непосредственная дѣятельность общинъ по передачѣ общинныхъ земель въ пользованіе трудовыхъ земледѣльческихъ товариществъ, при контролѣ общины за тѣмъ, чтобы эти товарищества были дѣйствительно трудовыми, принимая членовъ на равныхъ правахъ, а не эксплуатируя наемный трудъ; покупка или наемъ общинами (при государственной помощи) машинъ для общаго пользованія тружениковъ-земледѣльцевъ, учрежденіе земледѣльческихъ товариществъ для покупки удобреній, сѣмянъ, для продажи продуктовъ и т. п.¹⁾ Аналогичныя программы приняты и другими фракціями: на Дижонскомъ конгрессѣ — аллеманистами, на Турскомъ — POSSIBILISTAMI; въ послѣднее время на конгрессѣ, происходившемъ тоже въ Турѣ (мартъ 1902 г.), «Французская Соціалистическая Партія» (Жоресъ, Бріанъ, Вивіани и ихъ единомышленники) выработала программу, также включающую аналогичныя требованія: субсидированіе сельскихъ общинъ для помощи имъ въ дѣлѣ закупки сельскохозяйственныхъ орудій для общаго, коллективнаго пользованія, пріобрѣтенія въ общинную собственность земель, передачи ихъ въ распоряженіе ассоціаціямъ, синдикатамъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ,

¹⁾ Крайности сходятся. Отчасти въ мотивировкѣ, отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ программы эти ортодоксальнѣйшіе французскіе марксисты сдѣлали уступки крестьянскому индивидуализму не хуже бернштейнцевъ. См. превосходную критику этихъ уступокъ въ цит. соч. Фр. Энгельса и Дж. Гатти

подъ контролемъ общины и т. п. Такимъ образомъ, вмѣсто прогрессивнаго *націонализированія* земель — передачи ихъ въ распоряженіе центральной государственной власти, пока еще слишкомъ далекой отъ трудящихся массъ деревни — французскіе социалисты предпочитаютъ пока другіе пути постепеннаго обращенія земли въ общественную собственность — ея *соціализаціи* — исходя изъ болѣе мелкихъ единицъ — общины и сельскохозяйственнаго трудового товарищества.

Въ аграрной программѣ бельгійской социалистической партіи (выработана рядомъ конгрессовъ — Брюссельскимъ, Гентскимъ, Нивелльскимъ) мы встрѣчаемъ тѣ же требованія относительно земледѣльческихъ коопераций, плюсъ требованіе: «націонализаціи лѣсовъ, возстановленія или развитія общинныхъ имуществъ, прогрессивнаго выкупа земли государствомъ или общинами».

То же требованіе прогрессивной соціализаціи земли красною нитью проходитъ черезъ программу голландской социаль-демократіи (Утрехтскій и Аригеймскій конгрессы). Кромѣ общихъ предыдущимъ программамъ требованій, здѣсь мы находимъ: предоставленіе общинѣ преимущественнаго права при аукціонной продажѣ земель, расширенія права общины облагать и экспроприировать земли, особенно лежащія впустѣ, право общины требовать законной оцѣнки земель и выкупать ихъ по этой оцѣнкѣ; „въ будущемъ примѣненіе рекомендуемыхъ мѣръ должно привести къ приобрѣтенію правъ собственности на всѣ земли общинами“ (Fliegen «Agrarprogramm d. nid. Soz.-Dem»).

Аграрная программа австрійской социаль-демократіи (Грацкій партийтагъ) выдвигаетъ «обобществленіе лѣсовъ, луговъ и водныхъ силъ посредствомъ государства, села или общины, расширеніе общественной земельной собственности, при содѣйствіи благопріятствующей народу политики государства, развитіе товариществъ на совершенно демократическихъ началахъ и т. под.», „основаніе коопераций сельскихъ работниковъ“, «мелиорационныя работы, предпринимаемыя государствомъ и сельской общиной», «передача общинамъ лѣсныхъ и рыболовныхъ правъ» и т. д. и т. д.;

Аграрная программа румынской социаль-демократіи

(Бухарестскій партейтагъ) требуетъ также «постепеннаго выкупа государствомъ земель крупныхъ собственниковъ», «учрежденія общинныхъ выгоновъ» и т. д. преимущественной сдачи перешедшихъ въ общественную собственность земель «въ аренду для артельного пользованія общинамъ».

Итальянская социалистическая партія, хотя еще не выработала подробной аграрной программы, но приняла уже (Римскій партейтагъ) резолюцію, согласно которой членамъ партіи «вмѣняется въ обязанность, сообразно мѣстнымъ условіямъ, помогать распространенію идеи коопераціи», ибо товарищества имѣютъ для крестьянскаго пролетаріата и мелкихъ собственниковъ очень важное значеніе, особенно «благодаря ихъ воспитательному вліянію и подготовленію къ коллективному управленію производствомъ», при условіи руководства ими въ духѣ принциповъ и тактики социалистической партіи.

Въ той или иной степени аналогичныя требованія входятъ и въ программы венгерской социаль-демократіи (согласно взгляду которой «община, село представляетъ собою естественную ассоціацію»), датской, баварской, гессенской, баденской, вюртембергской. Для германской социаль-демократіи въ цѣломъ вопросъ объ аграрной программѣ остается еще открытымъ. На Бреславльскомъ партейтагѣ одинъ проектъ былъ отвергнутъ, и рѣшено предварительное «изученіе» вопроса. На одномъ изъ слѣдующихъ партейтаговъ аграрный вопросъ будетъ, однако, вновь поставленъ на очередь, и нѣтъ сомнѣній, что стремленіе привить крестьянскому хозяйству, такъ сказать, снизу коллективистскія тенденціи, найдетъ себѣ яркое выраженіе къ будущей аграрной программѣ нѣмецкой социаль-демократіи. Со времени Бреславльскаго конгресса многіе догматики продолжали крупную эволюцію въ своихъ взглядахъ. Знаменіемъ времени является, напримѣръ, статья Эрнста Эбгарта «Крестьянинъ и социаль-демократія», помѣщенная въ «Neue Zeit», безъ малѣйшихъ оговорокъ со стороны редактора Каутскаго. Указывая на удивительную, упорную живучесть крестьянства и освѣщая этотъ фактъ въ духѣ извѣстнаго сочиненія Каутскаго

объ аграрномъ вопросѣ, авторъ статьи обращаетъ болѣе вниманія на стремленіе крестьянъ въ цѣломъ рядѣ мѣстностей обратиться къ рациональнымъ способамъ хозяйства, прибѣгая къ коопераціи. «Несмотря на «антиколлективистскій черепъ крестьянина»,—говоритъ онъ,—мы наблюдаемъ, что частная собственность въ этихъ хозяйствахъ отступаетъ все болѣе на задній планъ, а на первый планъ все болѣе выдвигается кооперативная, коллективная собственность». По мѣрѣ развитія и расширенія хозяйственныхъ функцій коллективности, коопераціи, она стала превращаться въ главный источникъ доходовъ; значеніе и цѣнность обособленныхъ индивидуализированныхъ функцій хозяйства, напротивъ, стали убывать. Нетрудно видѣть, насколько фактъ этотъ содѣйствуетъ вытѣсненію въ психикѣ крестьянина индивидуалистическихъ тенденцій тяготѣніями къ коллективизму, и чего можно ждать въ этомъ отношеніи дальше. «Тогда не подлежитъ никакому сомнѣнію, отъ какого крестьянина мы можемъ ожидать большаго пониманія нашихъ требованій,—отъ обнищавшаго ли, который, въ концѣ концовъ, становится сельскимъ или промышленнымъ пролетаріемъ и уже только, какъ таковой, приходитъ къ намъ, или—отъ крестьянина, который уже имѣлъ возможность познаться съ выгодами коллективистическаго хозяйства, и стремленіемъ котораго является усилить коллективныя предпріятія, главный источникъ его дохода, за счетъ своего частнаго хозяйства». Авторъ заканчиваетъ свое перечисленіе мѣропріятій, которыя могутъ быть выставлены соціалъ-демократіей въ аграрномъ вопросѣ, особенно подчеркивая одинъ пунктъ: «главнымъ же образомъ—поддержка всѣхъ стремленій, которыя направлены къ устройству кооперативныхъ предпріятій, приближая такимъ образомъ хозяйство крестьянъ къ нашимъ цѣлямъ и дѣлая для крестьянъ болѣе понятными наши цѣли».

Этотъ ходъ мыслей заставитъ, конечно, многихъ доктринеровъ марксизма отнестись иначе, чѣмъ прежде, къ бреславльской рѣчи Бебеля, который говорилъ: «общинная собственность — уже не личная собственность:

И если доставляемая ею выгоды часто невелики, то причина этого лежит не въ ней самой, какъ формѣ землевладѣнія, но въ дурномъ распоряженіи ею.... Мы должны радоваться каждому гектару земли, который мы привращаемъ въ общинную собственность, потому что онъ позднѣе дастъ намъ извѣстную экономію силъ при разрѣшеніи вопроса объ экспроприаціи. Поддержка общинной собственности и расширеніе ея всѣми подходящими средствами лежитъ, такимъ образомъ, въ нашемъ интересѣ».

Деревенская революція и земельная реформа.

Вопросъ о мужицкой «тягѣ къ землѣ» имѣетъ, конечно, особенно жгучее значеніе для русскихъ социалистовъ. Вопль крестьянства «земли, земли» въ послѣднее время становится все громче и громче, и, что еще важнѣе, изъ стона жалобы онъ уже превратился мѣстами въ кличъ борьбы. Этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе для судебъ будущаго переворота. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ моментъ ликвидаціи бюрократическаго строя, въ моментъ броженія и неустройства, общей заворухи и пріостановки правильнаго функционированія государственной машины—крестьянскія массы воспользуются благопріятнымъ моментомъ, чтобы осуществить, наконецъ, свою заветную мечту—добыть земли. И разъ не только стихійное захватное движеніе, но и возстаніе крестьянъ съ цѣлью завоеванія въ революціонный періодъ земли представляетъ собою извѣстную вѣроятность, нужно, чтобы социалистическая партія заранее считалась съ этой вѣроятностью, чтобы никакой поворотъ въ ходѣ дѣлъ не засталъ ее врасплохъ, чтобы она заранее была готова къ нему, заранее обладала выработанной системой дѣятельности на этотъ случай.

Современную Россію не разъ сравнивали съ дореволюціонной Франціей. И, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ аналогія между двумя странами напрашивается сама собой. Господство придворной олигархіи, успѣвшей довести страну до полнаго экономическаго растройства во Франціи, какъ и въ Россіи, дѣлало неизбежнымъ одновременно ликвидировать старый политическій строй

и произвести рядъ органическихъ мѣропріятій для того, чтобы вывести страну изъ состоянія всеобщаго разстройства; освободить скованныя производительныя силы народа; возстановить тотъ минимумъ соціальнаго равновѣсія, безъ котораго невозможно никакое дальнѣйшее здоровое развитіе. Кромѣ того, и въ тогдашней Франціи, какъ въ теперешней Россіи, потребность въ такомъ переустройствѣ назрѣла и обострилась до послѣдней крайности прежде, чѣмъ было сдѣлано что - нибудь серьезное для ея удовлетворенія. Народныя массы не могли даже ждать, пока національному собранію благоразсудится поставить на очередь вопросъ объ отмѣнѣ помѣщичьихъ правъ на крестьянскій трудъ, о выкупѣ феодальныхъ повинностей и т. п. Едва только до деревень донеслась вѣсть о взятіи Бастиліи, какъ крестьяне стали собираться толпами, вооружаясь чѣмъ попало, чтобы взять приступомъ свои деревенскія, феодальныя Бастиліи. Вѣсть объ этомъ неожиданномъ восстаніи захватила врасплохъ національное собраніе, которому все еще некогда было подумать о бѣдствіяхъ страдавшихъ подъ игомъ феодализма крестьянъ. «Оно вполне отдалось высокой и благородной работѣ деклараціи правъ, когда до него дошли первыя извѣстія о восстаніи въ деревняхъ. Въ послѣдніе дни іюля и первые дни августа оно узнало со всѣхъ сторонъ, что крестьяне перегоняя рѣшенія законодательной власти и даже выходя за ихъ предѣлы своимъ стихійнымъ движеніемъ, отказывались платить наиболѣе ненавистныя налоги, а также исполнять феодальныя повинности. Они являлись вооруженными въ замки и, воздерживаясь отъ всякихъ насилій противъ личностей, захватывали и сжигали старые пергаменты, старые и новые документы феодальной эксплуатаціи. Это было насильственное освобожденіе отъ всей феодальной системы. Это была великая крестьянская революція, совершавшаяся внѣ всякихъ легальныхъ формъ, помимо воли законодательной власти! Національному собранію оставалось «или организовать на всемъ протяженіи деревенской Франціи весьма трудное и опасное подавленіе восстанія, или уступить напору взбунтовавшихся крестьянъ». Первыя

сдѣланныя въ немъ предложенія были въ духѣ репрессій. «Оно даже думало принять мѣры для подавленія частичныхъ возстаній, которыя, какъ доносили ему, вспыхивали тамъ и сямъ, когда узнало затѣмъ, что эти возстанія оказались всюду побѣдоносными и что феодальный строй былъ низвергнутъ»*) А тогда... о, тогда произошло то знаменитое засѣданіе въ ночь на 4 августа, которые буржуазные историки представляютъ, какъ актъ благороднѣйшаго отреченія со стороны дворянства и духовенства, охваченныхъ революціоннымъ энтузіазмомъ и порывомъ нравственного воодушевленія. Современные изслѣдованія социалистическихъ авторовъ — въ особенности цитированный трудъ Жореса — представляютъ все дѣло немного прозаичнѣе... Подавить крестьянское возстаніе значило объявить крестьянамъ „вѣчную войну“, вызвать съ ихъ стороны непрерывную партизанскую борьбу противъ помѣщиковъ, значило поставить всѣ дворянскія усадьбы въ осадное положеніе, сдѣлать жизнь въ нихъ для ихъ владѣльцевъ совершенно невозможною. Это значило также вступить въ борьбу со всей страной въ то самое время, когда національному собранію было необходимо имѣть точку опоры въ странѣ для борьбы съ еще сильной королевской придворной партіей; поставить себя подъ защиту королевскихъ войскъ, т. е. отдать себя въ руки своему врагу, ища въ немъ заступника и покровителя. Это значило рисковать слишкомъ многимъ, когда можно было избрать болѣе легкій и удобный путь: легализировать движеніе, забѣжать впередъ его, и объявить законодательнымъ порядкомъ освобожденіе крестьянъ отъ феодальныхъ повинностей.. конечно, не даромъ, а за хорошій выкупъ. Получить кругленькія суммы взамѣнъ того, что, какъ ясно было видно, нельзя удержать въ своихъ рукахъ надолго — тутъ было отъ чего проникнуться неожиданно «революціоннымъ энтузіазмомъ», послѣ того, какъ только что об-

*) «Histoire Socialiste», 1, «Constituante» par Jean Jaures, p. 278.

*) А. Оларъ «Политическая исторія фран. революціи» стр. 47.

суждались мѣры насильственного подавленія возстанія, — и 4-го августа оныяненное неистовой любовью «къ мужичку—меншему брату», собраніе отдалось ночной оргіи самопожертвованія и рѣшило отдать ему свои феодальныя права—«за умѣренную плату»...

Нѣчто аналогичное этому движенію можетъ произойти въ Россіи, но съ тѣмъ различіемъ, что главнымъ лозунгомъ движенія у насъ можетъ явиться лишь «поравненіе земли», а не уничтоженіе феодальныхъ повинностей, давно уничтоженныхъ и замѣненныхъ различными формами экономическихъ (а не юридическихъ) кабальныхъ отношеній *). Какую же позицію должна будетъ занять въ этомъ вопросѣ социалистическая партія? Если въ «Учредительномъ Собраніи» зайдетъ рѣчь о легализаціи крестьянскихъ земельныхъ завоеваній, какую форму этой легализаціи сможетъ она отстаивать, сохраняя вѣрность своимъ принципамъ?

Но для постановки этого вопроса намъ нѣтъ необходимости предполагать непременно крестьянское возстаніе съ захватомъ земель. Для насъ это лишь одна изъ возможностей. Мы можемъ допустить и другую возможность: крестьяне терпѣливо ждутъ рѣшеній Учредительнаго Собранія. Собранію необходимо предпринять что-нибудь для поправленія разстроеннаго въ конецъ крестьянскаго хозяйства. Вѣдь крестьянство—большинство страны; это платежная сила, упадокъ которой чувствительно затрагиваетъ интересы государственнаго казначейства; для русской индустріи это—внутренній рынокъ, сокращеніе котораго чувствительно отзывается на карманахъ капиталистовъ. Новый политическій режимъ, чтобы пріобрѣсти устойчивость *долженъ будетъ* найти рациональныя мѣры для немедленнаго экономическаго оздоровленія деревни. Мѣры для содѣйствія техническому прогрессу, для распространенія сельскохозяйственнаго образованія здѣсь недостаточно. Не го-

*) И въ революціонной Франціи въ 1789 г. зарождалось движеніе въ пользу такого поравненія; но оно совершенно заслонялось движеніемъ противъ феодальныхъ повинностей и отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть.

вора уже о трудности прививки технического прогресса къ мелкому разрозненному хозяйству, подобныя мѣропріятія могутъ давать положительные результаты отнюдь не сразу, а лишь въ отдаленномъ будущемъ. Вопросъ о новомъ надѣленіи крестьянъ землей явится необходимымъ условіемъ немедленной помощи обнищавшей деревнѣ, и для социалистовъ снова встанетъ вопросъ—какъ отнестись къ этой мѣрѣ? Защищать ее или оспаривать? Въ какихъ размѣрахъ и въ какихъ формахъ ее предлагать?

Эта земельная реформа прежде всего возможна въ двухъ основныхъ формахъ: 1) надѣленіе крестьянъ землею на началахъ частной собственности и 2) организациа уравнительнаго крестьянскаго землепользованія на основѣ увеличенія общественной поземельной собственности.

Два этихъ основныхъ типа возможной поземельной реформы по своему направленію и общественному значенію прямо противоположны. Въ первомъ случаѣ мы дѣйствуемъ въ духѣ *индивидуализаціи* поземельной собственности, во второмъ случаѣ—въ духѣ *соціализаціи* ея.

Нѣтъ сомнѣнія, что социалистическая партія можетъ пойти только вторымъ путемъ. Первый путь для нея совершенно закрыть. Насаждать въ деревнѣ, въ крестьянствѣ частную собственность можетъ кто угодно, только не социалистъ. Непримируемое отрицаніе частной собственности для него обязательно. Никакіе софизмы оппортунистовъ, рядятся ли они въ модное одѣяніе бернштейніанства или въ старозавѣтную тогу марксистской ортодоксіи, не могутъ оправдать обходъ этого принципа. Правда, социалистамъ въ демократически образованныхъ государствахъ приходится не только бороться противъ основныхъ устоевъ буржуазнаго общества, но и защищать интересы трудящихся слоевъ населенія въ предѣлахъ этого самаго буржуазнаго общества. Но сама по себѣ эта необходимость еще не создаетъ оппортунизма. Социалистическая партія отстаи-

ваетъ въ предѣлахъ буржуазнаго общества лишь тѣ реформы, которыя расшатываютъ устой этого общества, которыя содѣйствуютъ росту солидарности, организованности общественныхъ силъ, работающихъ надъ его пересозданіемъ. Частная собственность на землю—одинъ изъ устоевъ буржуазнаго общества, и поддерживать этотъ устой могутъ лишь буржуазныя партіи. Наиболѣе дальновидные защитники буржуазнаго режима всегда мечтали и мечтаютъ о созданіи широкаго слоя «экономически-крѣпкаго крестьянства», «хозяйственныхъ мужичковъ», насквозь проникнутыхъ традиціями частной собственности на землю и духомъ индивидуализма. Такого рода «крестьянство» рисуется имъ наилучшимъ оплотомъ противъ проникновенія заразы социализма въ деревню. Для образованія такого зажиточнаго буржуазнаго крестьянства они были бы не прочь, съ одной стороны,—обратить изрядную долю «излишнихъ» крестьянъ въ безземельныхъ батраковъ пролетаріевъ, а съ другой стороны—урѣзать немного и крупное старопомѣщичье землевладѣніе, живущее въ значительной степени «чужакомъ» новобуржуазному міру и сохранившее на себѣ явную печать «добраго стараго времени» феодализма. Поэтому для многихъ теоретиковъ буржуазнаго строя уничтоженіе общиннаго землевладѣнія, тормозящаго отслаиваніе «экономически крѣпкаго» буржуазнаго крестьянства за счетъ выбывающихъ изъ строя трудовыхъ, полупролетарскихъ слоевъ, не менѣе желательно, чѣмъ уничтоженіе заповѣдныхъ имѣній, майораторовъ и т. п. учреждений, искусственно удерживающихъ поземельную собственность въ рукахъ неспособныхъ отпрысковъ старо-дворянскихъ родовъ, совершенно непригодныхъ для перестройки сельскаго хозяйства на современный ладъ. Право cadastralнаго человека свободно распоряжаться своимъ участкомъ земли; облегченіе процесса мобилизаціи земель, перехода ихъ изъ рукъ въ руки купли продажи—таковъ одинъ изъ первыхъ лозунговъ буржуазнаго лагеря. Увеличеніе правъ коллективности за счетъ правъ отдѣльнаго лица, хотя бы оно совершилось на чисто демократической основѣ, для буржуазнаго экономиста кажется такимъ же деспотическимъ, какъ и для пролетаріата.

тизмомъ, такимъ же нарушеніемъ свободы, какъ и феодалныя узы.

Само собой разумѣется, что спуститься до такой точки зрѣнія социалистъ никогда не можетъ. Онъ не можетъ при построеніи своей программы-минимумъ просто-напросто обокрасть буржуазную программу и превратить ее въ одинъ изъ предварительныхъ фазисовъ развитія собственныхъ, хотя бы и минимальныхъ, программныхъ требованій. Среди различныхъ законодательныхъ и правовыхъ нормъ, ограничивающихъ права отдѣльной личности надъ землею, социалистическая партія всегда будетъ дѣлать различіе, — борясь противъ однихъ, увеличивающихъ бюрократическую опеку и феодално-дворянскія позиціи, отстаивая и стремясь развивать другія, служащія основой охраны общихъ интересовъ труда противъ притязаній кулачества. Для социалиста въ деревнѣ нѣтъ ничего опаснѣе, какъ именно насажденіе частной собственности, приученіе мужика, еще считающаго, что земля «ничья», «вольная» (или «божья», какъ выражаютъ ту же идею въ архаической формулировкѣ старики) къ мысли о правѣ торговать, барышничать землей, какъ объ одномъ изъ само-собой разумѣющихся «элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ» человѣка. Именно здѣсь и лежитъ опасность насажденія и укрѣпленія того «собственническаго фанатизма», который потомъ способенъ надѣлать социалистамъ много хлопотъ.

Въ общемъ видѣ, конечно, никто изъ социалистовъ не рѣшится опровергать наше положеніе, что социалистъ не можетъ, не измѣняя себя, способствовать поддержанію, насажденію, укрѣпленію частной собственности въ деревнѣ. Это — одно изъ основныхъ положеній социализма, слишкомъ очевидныхъ, чтобы объявить ему прямую войну. Въ такихъ случаяхъ принято выискивать обходный путь, найти лазейку, уловку и признавать правило лишь для того, чтобы тотчасъ же найти для себя исключеніе. Напримѣръ, можно сказать (какъ это дѣлаетъ «Заря»): «вообще говоря, поддержка мелкой собственности реакціонна, ибо она направляется противъ крупнаго капиталистическаго хозяйства». Но такъ какъ мы

хотимъ поддержать частную собственность именно не противъ капитализма, а противъ крѣпостничества, то это «случай исключительный», и поддерживая частную собственность, мы ни мало не измѣняемъ, напротивъ, служимъ принципу классовой борьбы. Но вѣдь дѣло не въ томъ, противъ чего именно вы «хотите» поддерживать частную собственность. Противъ чего бы вы ни хотѣли ее поддерживать, вы не можете этого дѣлать, не усиливая ее; а усиливая ее, вы даете ей возможность упорнѣе сопротивляться всему, чему она захочетъ сопротивляться, а не только тому, противъ чего въ вашей головѣ была предназначена эта поддержка. Частная крестьянская собственность вообще чрезвычайно живуча, и усиливая ее живучесть, вы, конечно, даете ей лишніе шансы въ борьбѣ не только противъ крѣпостничества и противъ капитализма—это еще не бѣда—а, главное, противъ социализма. Ибо насаждая частную собственность среди крестьянства, въ психикѣ котораго еще живутъ общинные навыки и воззрѣнія, живеть даже представленіе о землѣ, какъ общемъ достояніи всѣхъ людей, вы затрудняете себѣ въ будущемъ (и даже въ настоящемъ) пропаганду обобществленія земли, какъ и другихъ орудій производства.

Итакъ, социалистическая партія не можетъ внести буржуазнаго духа даже въ свою программу-минимумъ аграрныхъ требованій, и здѣсь не можетъ она служить принципу индивидуализаціи земельной собственности—принципу, діаметрально противоположному ея конечной цѣли. И если она признала необходимость пойти навстрѣчу потребности трудовой массы крестьянства въ землѣ, то она можетъ сдѣлать это лишь путемъ увеличенія крестьянскаго землепользованія на основѣ не личной, а социализированной собственности.

Но этимъ вопросъ еще не рѣшается или, лучше сказать, онъ рѣшается только въ самомъ общемъ и отвлеченномъ видѣ. Возникаетъ новый вопросъ—о тѣхъ конкретныхъ формахъ, въ которыхъ социалистическая партія можетъ отстаивать—даже въ предѣлахъ классового буржуазнаго государства, т. е. государства въ

сущности лишь полусвободнаго, полудемократическаго — социализацію земли.

Здѣсь прежде всего намъ приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ вполне конкретныхъ проектовъ «націонализаціи земли». Каждый изъ этихъ проектовъ есть частный случай по отношенію къ общему понятію — превращенія земли изъ личной собственности въ общественную, — совершенно такъ же, какъ, на примѣръ, подобнымъ же частнымъ случаемъ социализаціи земли или другихъ областей народнаго хозяйства будетъ ихъ переходъ въ руки городовъ, общинъ, находящихся подъ общественнымъ контролемъ коопераций и т. п. Сущность реформъ одна и та же: изъ частной собственности лица изымается извѣстная совокупность правъ и передается коллективности, или распределяется между коллективностями. Но коллективности эти могутъ быть различны: государство, самоуправляющаяся область, городской муниципалитетъ, сельская коммуна, демократически организованная кооперация или товарищество; въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условий мѣста и времени социалисты могутъ различнымъ образомъ комбинировать въ своихъ требованіяхъ социализаціи земли распределеніе между этими коллективностями правъ, отходящихъ къ обществу отъ индивидуума. При одномъ политическомъ устройствѣ, на ихъ взглядъ, интересы трудового рабочаго класса лучше всего могутъ быть гарантированы сосредоточеніемъ распорядительныхъ и собственно-чeskихъ правъ въ рукахъ центральной государственной власти, при другомъ — въ рукахъ коммуны и т. д. Сообразно этому основное требованіе социализаціи земли можетъ измѣняться и дѣйствительно измѣняется въ аграрныхъ программахъ социалистическихъ партій различныхъ европейскихъ государствъ. Такъ, на примѣръ, государственный элементъ шире всего представленъ въ аграрныхъ требованіяхъ англійской «соціалъдемократической федераціи» (ортодоксально-марксистская фракція англійскихъ социалистовъ), которая выставляетъ, какъ одинъ изъ пунктовъ своей программы-минимумъ, націонализацію земли. Бельгійцы уравниваютъ въ своей программѣ оба момента, государственный и коммуналь-

ный, требуя, съ одной стороны, возстановленія и развитія общинныхъ имуществъ, съ другой—прогрессивнаго выкупа земли государствомъ или общинами. Голландцы становятся на исключительно коммунальную, общинную точку зрѣнія и отъ государства требуютъ лишь законодательнаго акта, расширяющаго права общины по обложенію, выкупу и экспроприаціи земли. Таковы два крайнихъ и одинъ средній типъ, по которымъ и распределяются наличныя аграрныя программы социалистическихъ партій, при чемъ большинство тяготеетъ къ среднему типу.

При выборѣ конкретныхъ формъ социализаціи земли особенно выступаетъ на первый планъ слѣдующій моментъ. Есть нѣкоторые государства, въ которыхъ организація центральной власти далеко еще недемократична. Такъ, въ Германіи рядомъ съ народнымъ представительствомъ стоитъ императорская власть съ очень широкими прерогативами. Между ними возможна борьба, возможны конфликты. Въ рукахъ народнаго представительства есть очень сильное оружіе для этой борьбы: разрѣшеніе или неразрѣшеніе тѣхъ или иныхъ налоговъ. Представимъ теперь, что при такомъ порядкѣ осуществлена націонализація земли. Национализирована рента, какъ предлагаетъ это Генри Джорджъ, или же перешло въ руки государства самое завѣдываніе землею и сдача ея въ аренду—на основахъ хотя бы проекта Альфреда Росселя Уоллеса (вдохновитель германскаго «націонализаторскаго» движенія, Флюршеймъ, соединяетъ, съ нѣкоторыми особенностями, черты того и другого проекта). Что получилось бы отсюда? А то, что даже въ случаѣ конфликта въ рукахъ прусско-германскаго полу-абсолютизма оказались бы огромныя денежные средства въ видѣ дохода отъ земли, превращенный въ «государственные имущества». Это разъ. Во-вторыхъ, сильнѣйшимъ образомъ увеличилось бы число арендаторовъ государственныхъ имуществъ, стоящихъ въ самой непосредственной зависимости отъ той же полу-абсолютной власти. Это могло бы дать ей возможность оказывать такое громадное вліяніе и давленіе на значительную часть избирателей, что нѣмецкіе социаль-

демократы, естественно, считаютъ при данныхъ политическихъ условіяхъ «огосударствленіе» (Verstaatlichung) земли слишкомъ опасной мѣрой*). Поэтому же они высказывались противъ проекта Каница, противъ Бисмарковскаго проекта табачной монополіи, противъ превращенія Reichsbank'a въ государственный банкъ, противъ, наконецъ, даже предложенія Бебеля, Либкнехта, Фольмара и др. на Бреславльскомъ партейтагѣ аграрной программы съ огосударствленіемъ ипотеки**). И Вандервельде въ своемъ послѣднемъ трудѣ также признаетъ, что если власть въ государствѣ въ слишкомъ большой мѣрѣ сосредоточивается въ рукахъ «монарха или правящей олигархіи», то въ такомъ классовомъ полу-абсолютистскомъ и милитаристскомъ государствѣ социалисты всегда первые будутъ возставать противъ «огосударствленія» нѣкоторыхъ важнѣйшихъ народно-хозяйственныхъ отраслей, такъ какъ оно «можетъ быть использовано въ исключительныхъ интересахъ суверена или господствующаго класса»***).

Неудивительно поэтому, что и въ современной Россіи проекты націонализаціи земли могутъ подвергаться передѣлкѣ на реакціонный ладъ. Такъ, напримѣръ,, извѣстный проектъ обращенія всей земли крестьянскихъ общинъ въ Государственную собственность съ тѣмъ, чтобы крестьяне, подобно прежнимъ государственнымъ, уплачивали извѣстную арендную плату, а выкупные платежи были уничтожены, представляютъ огромную опасность усиленія бюрократической опеки надъ крестьянами и уничтоженія послѣдней тѣни самостоятельности крестьянской общины. И если дальнѣйшее политическое развитіе Россіи пойдетъ не путемъ крутыхъ переломовъ, а путемъ медленнаго перерожденія монархической олигархіи въ конституціонную, то, можетъ быть, еще долго русскимъ социалистамъ придется отстаивать самостоятельность общины отъ регулирующаго вліянія государства, хотя въ принципѣ, конечно, самымъ

*) См. Каутскаго «Die Agrarfrage» s. 321 u. f.

**) См. Verhandlungen des Parteitagcs zu Breslau.

***) Le collectivisme et l'Evolution industrielle p. 1.

раціональнымъ представлялся бы контроль высшихъ органовъ народнаго самоуправленія надъ низшими, контроль, цѣль котораго—уравновѣшивать естественныя преимущества и неравенство между отдѣльными мѣстными группами населенія. И вотъ, почему наша программа—минимумъ, гдѣ въ политической области предполагается республиканская форма правленія, при самой широкой децентрализаціи, при автономіи областей,—гласить:

«Въ вопросахъ переустройства земельныхъ отношеній П. Р. С. стремятся опереться въ интересахъ социализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ на общинныя и трудовыя возрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности на распространенное среди нихъ убѣжденіе, что земля ничья, и что право на пользованіе ею даетъ лишь трудъ. Въ согласіи со своими общими возрѣніями на задачи революціи въ деревнѣ, партія будетъ стоять за социализацію земли, т. е. за изыятіе ея изъ товарнаго оборота и обращеніе изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общенародное достояніе на слѣдующихъ началахъ: всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія, начиная отъ демократически организованныхъ безсловныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая областными и центральными учрежденіями (разселеніе и переселеніе, завѣдываніе земельнымъ фондомъ и т. п.); пользованіе землею должно быть уравнительно трудовымъ, т. е. обезпечивать потребительную норму на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ; рента, путемъ спеціальнаго обложенія должна быть обращена на общественныя нужды; пользованіе землями и угодіями, имѣющими не узкомѣстное значеніе (обширные лѣса, рыбная ловля и т. д.), регулируется соотвѣтственно болѣе широкими органами самоуправленія; вѣдра земли остаются за государствомъ; земли обращаются въ общенародное достояніе безъ выкупа; за пострадавшими отъ этого имущественнаго переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ личнаго существованія.

Что касается развитія сельско-хозяйственныхъ операцій, то требованія въ этомъ духѣ составляютъ естественное логическое дополненіе къ земельно-соці-

лизаторскимъ требованіямъ. Исторія аграрныхъ программъ и аграрной тактики социалистическихъ партій доказываетъ, что въ свободномъ государствѣ кооперативное движеніе, руководимое и вдохновляемое социалистической партіей, дѣйствительно способно служить интересамъ освободительной борьбы рабочаго класса, вносящаго въ это движеніе свѣжую идейную струю и выступающаго противъ всякихъ попытокъ заразить ее буржуазнымъ духомъ индивидуализма и барышничества. Итакъ, социалисты при этомъ вовсе не исходятъ изъ *идеализаціи* современнаго кооперативнаго движенія. Напротивъ, тактика эта принята даже въ Италіи, гдѣ среди социаль-демократовъ особенно господствовали предубѣжденія противъ кооперациі. «Мы, итальянцы—свидѣтельствуетъ Клавдій Тревесъ—до послѣдняго времени всегда питали нѣкоторую антипатію къ кооперациямъ. Мы не считали ихъ способными выдержать борьбу противъ капиталистической конкуренціи. Думалось, что посредствомъ кооперациі только происходитъ возвращеніе мелкихъ собственниковъ, которые будутъ держаться вдали отъ великихъ цѣлей экономическаго и политическаго движенія. Но противъ этихъ доктринерскихъ возраженій говорятъ фактическіе завоеванія и успѣхи, увѣнчавшіе дѣятельность нашихъ товарищей въ деревнѣ: они приводили мелкихъ крестьянъ къ нашимъ идеаламъ именно посредствомъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ. Вся область Монферато и Ланге сдѣлалась нашей и доставила намъ воодушевленнѣйшихъ приверженцевъ, и ораторы изъ этихъ мѣстъ говорили конгрессу: именно благодаря всевозможнымъ товариществамъ для цѣлей страхованія, коллективнаго пользованія машинами, удобреніемъ, зерномъ и т. п. мы завоевывали деревню» *).

Кромѣ объединяющей роли кооперациі, самая борьба, въ предѣлахъ сельской общины, за расширеніе и ея правъ, и ея фактической дѣятельности по обложенію и конфискаціи поземельной ренты крупныхъ собственни-

*) Clavdio Treves. «Der neue Kurs in italienischer Sozialdemokratie» Sozialistische Monatshefte, № 11, 1.

ковъ, по экспроприаціи въ собственность общины земель помѣщиковъ и кулаковъ, способно болѣе чего бы то ни было раздуть и обострить классовую борьбу трудового крестьянства противъ его эксплуататоровъ, сблизить его съ сельскимъ и городскимъ пролетаріатомъ, содѣйствовать его проникновенію идеями социализма. Вотъ почему требованія и дѣятельность въ духѣ социализированія земельной собственности и развитія сельскохозяйственныхъ кооперацій занимаютъ такое видное мѣсто въ аграрныхъ программахъ западно-европейскихъ социалистическихъ партій; вотъ почему, въ полномъ согласіи съ интернаціональнымъ социализмомъ, то же основное требованіе выставляетъ въ своей аграрной программѣ и партія социалистовъ-революціонеровъ. И вотъ почему, послѣ всего сказаннаго, для «всякаго, даже не учившагося въ семинаріи», встанетъ во весь свой ростъ колоссальнѣйшая несообразность утвержденій марксистовъ, будто «поставить рядомъ въ программѣ-минимумъ социализацію земли и кооперацію» значить соединять, — проявляя «рѣдкое гражданское мужество», — Бабефа съ Левитскимъ, «безпомощно подхватывать модныя средства вмѣсто участія въ классовой борьбѣ», обманывая себя и крестьянина («ибо это обманъ, будто всевозможныя коопераціи» играютъ революціонную роль въ современномъ обществѣ и готовятъ коллективизмъ, а не укрѣпленіе сельской буржуазіи»).

Итакъ, Вандервельде, состоящій, кстати сказать, президентомъ бельгійскаго союза социалистическихъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ, не кто иной, какъ бельгійскій Левитскій. Энрико Ферри, ѣздившій для изученія этого движенія въ Бельгію и перенесшій его въ Ломбардію, тоже итальянскій Левитскій. Всѣ они, обманывая крестьянъ, занимаются лишь укрѣпленіемъ сельской буржуазіи. До этого, кажется, еще никто до сихъ поръ не договаривался. Даже Каутскій, который принадлежитъ къ числу крайнихъ скептиковъ по отношенію къ коопераціямъ, при всѣхъ своихъ оговоркахъ, однако, признаетъ, что «все же раньше или позже въ каждой странѣ кооперативному движенію суждено сыграть немаловажную роль въ освободительной борьбѣ

рабочаго класса рядомъ съ борьбой пролетариата за власть въ общинѣ и государствѣ и рядомъ съ стремленіемъ общины и государства къ расширенію и увеличенію отраслей промышленности, находящихся въ ихъ рукахъ и подъ ихъ управленіемъ».

Соціализація же земли была бы въ деревнѣ надежнымъ фундаментомъ для особенно быстрого и безпрепятственнаго развитія въ деревнѣ и кооперативнаго, и непосредственно общественнаго хозяйства.

V.

Ходячія возраженія.

«Соціалізація землі. Конечно, соціалізація землі есть одно изъ существенныхъ требованій соціалистической партіи. Но зачѣмъ соціалисты революціонеры ставятъ ее въ программу-минимумъ? Соціализацію землі выдѣлить изъ соціализаціи всѣхъ средствъ производства. Соціализмъ нельзя осуществлять по частямъ. Соціализмъ есть нѣчто единое и цѣлостное. Требовать для земледѣлія соціализаціи въ то время, когда для индустріи выставляются гораздо меньшія требованія,—это значитъ воображать, будто въ одномъ уголкѣ общества можетъ быть частично осуществленъ соціализмъ, когда въ другомъ вполне царитъ капитализмъ. Это нелѣпость и утопія. Соціализація въ земледѣліи въ деревнѣ и соціализація въ индустріи въ городѣ должны происходить одновременно. Хотите въ программѣ-минимумъ требовать соціализаціи землі, въ той же программѣ минимумъ требуйте и соціализаціи фабрикъ. А тогда вы обратите программу-минимумъ въ программу-максимумъ и такимъ образомъ придете къ удвоенію этой послѣдней—т. е. къ абсурду. Источникъ этого абсурда—ваше стремленіе наобѣщать деревнѣ какъ можно больше, не заботясь о логикѣ и о согласіи съ основными принципами раздѣленія программъ на различные отдѣлы—т. е., попросту говоря, авантюризмъ и демагогія».

Таковы ходячія возраженія противъ основнаго пункта вашей аграрной программы. Тонъ абсолютной, непоколебимой увѣренности, почти непогрѣшимости, съ которымъ вѣчно повторяются эти и подобныя возраженія,

дѣлаетъ изъ нихъ видимость чего то такого, съ чѣмъ необходимо считаться. И хотя, казалось бы, отъ частаго повторенія никакое вульгарное и плоское возраженіе не можетъ ничего выиграть въ логической убѣдительности — однако, на практикѣ порой выходитъ иное. И когда передъ людьми, которые еще не успѣли самостоятельно разобраться въ этомъ вопросѣ, то и дѣло, съ самымъ великолѣпнымъ апломбомъ, самымъ авторитетнымъ тономъ повторяютъ въ священномъ ужасѣ: «Какъ? социализація земли — и въ программѣ-минимумъ? Авантюризмъ, утопія. Кого хотятъ обмануть г. г. социалисты реакціонеры?» — то нѣкоторое психологическое дѣйствіе порою такой методъ на «малыхъ сихъ» все таки оказываетъ. А стало быть, приходится сдѣлать надъ собой усиліе и отнестись ко всѣмъ перечисленнымъ возраженіямъ, какъ къ чему-то серьезному, — поскольку это вообще возможно...

И, прежде всего, приходится выяснитъ, вскрыть содержаніе нѣкоторыхъ основныхъ понятій. Это — дѣло, какъ мы увидимъ ниже, далеко не лишнее. Одна провинціальная обывательница — впрочемъ, дама весьма добрая и почтенная — услышавъ слово «соціальная наука», была твердо увѣрена, что это значитъ «соціалистическая наука». Къ сожалѣнію, этотъ медотъ умозаключеній по созвучію свойствененъ не однѣмъ только добрымъ провинціальнымъ дамамъ. И, на примѣръ, услышавъ слово «социализація земли», иные люди, не отказывающіе себѣ въ почетномъ титулѣ людей интеллигентныхъ и образованныхъ, съ достопримѣчательною быстротою начинаютъ говорить о «части социализма» или «соціалистической организаціи одного угла народнаго хозяйства», разсматривать социализацію фабрикъ въ городѣ, какъ вещь, аналогичную социализаціи земли въ деревнѣ и т. п... и т. п...

Что «социализмъ» и «социализація» (какъ и «соціаль-ный») происходятъ отъ одного общаго корня — это несомнѣнно. Но несомнѣнно также, что значеніе различныхъ словъ, происходящихъ отъ одного корня, можетъ быть весьма различнымъ. Это свѣдѣніе изъ элементарнаго курса грамматики забывать не приходится. Въ частности слово «социализація» означаетъ лишь изыятіе

чего-либо изъ подъ власти частной собственности и передачу въ общественныя руки; при чемъ характеръ всякой конкретной «соціализаторской» мѣры стоитъ въ прямой зависимости отъ того, *что именно* соціализируется—въ прямой зависимости отъ самого *объекта*, отъ самого *предмета* соціализаціи. Когда говорятъ о соціализаціи земли, то болѣе чѣмъ ясно, что о соціализмѣ здѣсь нѣтъ еще и рѣчи. Соціализмъ есть извѣстный способъ планомѣрной организаціи всего производства обществомъ и для общества. Соціализація же земли сама по себѣ еще никакъ не рѣшаетъ вопроса о *формѣ производства*, а рѣшаетъ лишь вопросъ о *формѣ собственности*, на одинъ опредѣленный родъ благъ—именно на поверхность и нѣдра земли. Одно дѣло—рѣшить, кто ихъ собственникъ, въ чьи руки должно перейти верховное распоряженіе землей; другое дѣло—рѣшить, какой способъ производительнаго пользованія будетъ на этой землѣ установленъ.

Отсюда уже видно, до какой степени, груба, недѣла, абсурдна аналогія между соціализаціей земли въ деревнѣ и соціализаціей фабрикъ въ городѣ. Соціализація фабрикъ есть переходъ въ общественное завѣдываніе цѣлаго ряда хозяйственныхъ предпріятій, цѣлыхъ отраслей производства; это предполагаетъ перемѣну самой основы веденія всего производства: замѣну въ управленіи фабрикой личнаго интереса и личной воли хозяина общественной воли, приспособленіе производства къ общественнымъ потребностямъ, планомѣрно организованное производство вмѣсто товарной анархіи. Соціализація же земли есть лишь передача въ общественныя руки и въ общественное распоряженіе *одного* изъ необходимыхъ условій производства и, тѣмъ самымъ, отмѣна одной изъ самыхъ вредныхъ и тягостныхъ частныхъ монополій.

Земля, конечно, можетъ также являться однимъ изъ средствъ производства, какъ и фабричное строеніе, машина, паровой двигатель и т. д. Но она, во-первыхъ, имѣетъ весьма важное отличіе отъ всѣхъ другихъ орудій и средствъ производства. Тѣ воспроизводимы трудомъ челоуѣка, а земля же не воспроизводима, она

дана въ опредѣленномъ количествѣ, и это количество увеличиваемо по произволу быть не можетъ. Во вторыхъ, земля есть не только главное условіе производства въ земледѣліи. Земля есть одно изъ условій всякаго производства—ибо никакое промышленное заведеніе не можетъ висѣть въ воздухѣ, а должно стоять на землѣ, даже болѣе того: земля есть необходимое условіе всякой жизни, а пожалуй, даже и смерти—ибо, по крайней мѣрѣ теперь три аршина земли на кладбищѣ нужно для всякаго, отправляющагося къ праотцамъ.

Итакъ, социализація земли еще не есть социализація земледѣльческаго производства, а потому не аналогична и социализаціи фабрикъ. *Социализація земли въ деревнѣ* будетъ соответствовать въ городѣ вовсе не *социализація фабрикъ*, а такая же *социализація земли*, находящейся подъ городскими строеніями. Слѣдовательно, это требованіе въ примѣненіи къ городскимъ условіямъ означаетъ лишь переходъ въ руки демократическаго городского самоуправления, въ руки коммуны или муниципалитета, верховныхъ правъ, на распоряженіе той земель, на которой стоитъ данная городская коммуна. Иными словами это требованіе муниципализаціи или коммунализаціи земли. Расширеніе правъ коммуны, въ этомъ отношеніи, конечно, желательно. Оно должно служить культурнымъ цѣлямъ, а для низшихъ слоевъ городского населенія—въ томъ числѣ и для индустриальнаго пролетаріата—расширеніе это можетъ имѣть немаловажное значеніе при разрѣшеніи жилищнаго, квартирнаго вопроса *). Соответственная борьба уже и идетъ въ крупныхъ городахъ, напр., въ Лондонѣ, гдѣ образовался цѣлый рядъ городскихъ лендлордовъ;

*) Конечно, эксплуатація рабочаго, какъ квартиронанимателя, домовладѣльцемъ есть лишь побочный, второстепенный видъ эксплуатаціи, сравнительно съ эксплуатаціей его, какъ производителя, фабрикантомъ (на что съ особенной силой упираетъ Ф. Энгельсъ въ своей „Zun Wohnungsfrage“). Это не мѣшаетъ однако этому сравнительно второстепенному виду эксплуатаціи также быть крайне тягостнымъ для физическаго и моральнаго здоровья рабочихъ и требовать специальныхъ средствъ огражденія ихъ интересовъ въ рамкахъ современнаго общества.

въ рукахъ этихъ крупныхъ домовладѣльцевъ иногда сосредоточиваются цѣлые кварталы, какъ разъ въ центральныхъ мѣстахъ города. Пользуясь исключительно благопріятнымъ положеніемъ, городскіе лендлорды страшно поднимаютъ квартирную плату, и, не шевельнувъ пальцемъ, получаютъ огромные барыши. Въ то же время вздорожаніе квартиръ гонитъ бѣднѣйшую часть населеніе на окраину, въ наиболѣе отдаленныя, неудобныя или нездоровыя части города. Естественно, что городское самоуправленіе дѣлается ареной борьбы съ монопоіей городскихъ лендлордовъ. Коммуна стремится расширить свои права какъ по обложенію особымъ налогомъ rents съ городского землевладѣнія, такъ и по принудительному отчужденію наиболѣе важныхъ для общихъ культурныхъ польвъ и нуждъ населенія участковъ. Городскіе лендлорды, напротивъ, упорно защищаютъ сви права и прерогативы, и если они имѣютъ достаточно вліянія на общее законодательство страны, то иногда успѣваютъ законодательнымъ путемъ втиснуть попытки городскихъ муниципалитетовъ въ возможно болѣе узкія рамки. Выставляя въ программѣ минимумъ требованіе социализаціи земли, социалисты тѣмъ самымъ, между прочимъ, затронуть одну изъ важныхъ проблемъ такъ называемаго «муниципальнаго» социализма», при чемъ дадутъ ей самое радикальное разрѣшеніе,—такое рѣшеніе, около котораго лишь боязливо топчутся даже самыя крайніе прогрессисты-демократы несоціалистическаго лагеря. Соціалисты, такимъ образомъ, и здѣсь, какъ вездѣ, пойдутъ смѣло во главѣ всякаго истинно-прогрессивнаго движенія, придавая ему должную широту размаха, логическую послѣдовательность и безстрашіе итти въ своихъ требованіяхъ до конца.

Почему же, спрашивается, можетъ быть незаконнымъ выставленіе земельно-соціализаторскихъ требованій въ программѣ-минимумъ? Быть можетъ, намъ скажутъ, что требованіе это, поставленное въ ряду минимальныхъ, практически не осуществимо; что только социальная революція рабочаго класса можетъ дать социализацію земли; что минимальныя требованія разсчитаны на эпоху господства въ государствѣ не социалистиче-

скихъ, а болѣе или менѣе буржуазныхъ элементовъ; что эти буржуазные элементы на социализацію земли не согласятся?—Но развѣ мы урѣзываемъ нашу минимальную программу сообразно тому, на что соблаговолятъ согласиться буржуазные элементы общества? Послушайте въ отвѣтъ вашихъ собственныхъ учителей, господъ. Вотъ что говоритъ о минимальной программѣ хотя бы Каутскій: «Программа должна показать, чего мы *требуемъ* отъ современнаго общества или современнаго государства, а не то, чего мы *ожидаемъ* отъ него». А вотъ какъ онъ иллюстрируетъ это положеніе. «Возьмемъ, напримѣръ, программу нѣмецкой социаль-демократіи. Она требуетъ выбора чиновниковъ народомъ... Никто не впадетъ въ такую иллюзію, чтобы считать осуществимымъ, при современныхъ политическихъ соотношеніяхъ, требованіе выбирать чиновниковъ въ Германской имперіи... Но развѣ это достаточное основаніе, чтобы не принимать его въ нашу практическую программу?» *Практически* выборность должностныхъ лицъ перейдетъ изъ области теоріи въ область дѣйствительности, очевидно, только послѣ окончательной побѣды нѣмецкой социаль-демократіи, но послѣдняя, имѣетъ всѣ данныя за и не одного *противъ* выставленія этого требованія теперь же, какъ минимальнаго. Ибо его осуществленіе—теоретически-совмѣстимое и съ существованіемъ до-соціалистическаго, стало быть, въ основѣ своей буржуазнаго строя—указываетъ вѣрно то направленіе, въ которомъ и теперь уже могутъ дѣлаться отдѣльные шаги; и каждый такой шагъ будетъ не ухудшать, а улучшать условія дальнѣйшей борьбы рабочаго класса.

Мы не знаемъ и не можемъ знать, какія именно требованія и въ какомъ объемѣ фактически окажутся осуществимыми и дѣйствительно осуществляться въ періодъ до великой, послѣдней битвы, которую армія труда дастъ арміи капитала. Практическая мѣра осуществимости ближайшихъ требованій можетъ быть весьма различной въ разныхъ странахъ. Сложность и разнообразіе конкретныхъ условій, въ зависимости отъ которыхъ опредѣляется эта мѣра, нашему полному и все-

стороннему учету совершенно недоступны. Мы не пророки. Уже по одному этому мы, если бы и захотѣли, то не можемъ такъ пригнать наши минимальныя требованія, чтобы они совпали съ тѣмъ, что дастъ жизнь. Да этого намъ и не нужно. Намъ нужно выставять каждое изъ такихъ частичныхъ требованій *во всей его широтѣ*, чтобы оно могло давать намъ вѣрное направленіе, въ которомъ мы добиваемся наивозможно-большихъ уступокъ. Требованія нашей программы-минимумъ суть прежде всего такія принципиальныя директивы.

Нашъ взглядъ на характеръ и смыслъ программь-минимумъ мы, однако, достаточно ясно охарактеризовали уже въ прошлый разъ. Но посмотримъ, какъ формулируютъ теперь свои взгляды на этотъ вопросъ сами признанные авторитеты марксизма—и мы увидимъ, что они иногда даютъ формулировки, отъ которыхъ не такъ далеко отстоятъ и наши. Тотъ же Каутскій утверждаетъ: «наши практическія требованія, выражены ли они прямо въ программѣ, или представляютъ изъ себя молчаливо-принимаемые «постулаты», должны быть сообразованы не съ тѣмъ, *достижимы ли* они при данномъ соотношеніи силъ, а съ тѣмъ, *совмѣстимы ли* они съ существующимъ общественнымъ строемъ и способно ли проведеніе ихъ облегчить классовую борьбу пролетаріата, дать толчекъ ея развитію и расчислить пролетаріату путь къ политическому господству».

Такъ мѣряйте же социализацію земли этимъ аршиномъ, которымъ васъ ссудилъ Каутскій. Ставьте же эти два вопроса и отвѣчайте на нихъ своимъ анализомъ.

Вопросъ первый: совмѣстима ли социализація земли съ существующимъ общественнымъ строемъ? Иначе говоря: частная собственность на землю есть ли *conditio sine qua non* разрозненнаго, индивидуализированнаго производства, дополняемаго товарнымъ обмѣномъ? Замѣна этой частной собственности на землю собственностью общественной возможна ли безъ одновременной замѣны всего товарнаго хозяйства планомѣрной социалистической организаціей производства?

Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы на него отвѣтить. Должный отвѣтъ мы найдемъ даже у самыхъ

рѣшительныхъ противниковъ нашей аграрной программы. Послушаемъ, на примѣръ, г. Ленина. «Ограниченность земли предполагаетъ, дѣйствительно, при капиталистическомъ строѣ общества, монополизацию земли — *но земли, какъ объекта хозяйства, а не какъ объекта права собственности*. Предположеніе капиталистической организаціи земледѣлія необходимо включаетъ въ себѣ то предположеніе, что вся земля занята опредѣленными частными хозяйствами, *но отнюдь не включаетъ предположенія, что вся земля находится въ частной собственности этихъ хозяйствъ или другихъ лицъ или въ частной собственности вообще* *). Монополія владѣнія землей на правѣ собственности и монополія хозяйства на землѣ — вещи, совершенно различныя не только логически, но и исторически». И вслѣдъ за этимъ Ленинъ идетъ еще дальше: «Логически — говоритъ онъ — мы вполне можемъ себѣ представить чисто капиталистическую организацію земледѣлія при полномъ отсутствіи частной собственности на землю, при нахожденіи земли въ собственности государства или общинъ и т. п.».

Дѣло, конечно, здѣсь не въ примиреніи принципа общественной собственности на землю и «чисто капиталистической организаціи земледѣлія» — врядъ ли много народу теперь вѣритъ, что земледѣліе, какъ цѣлая отрасль промышленности, должно пройти фазу реорганизаціи на чисто капиталистическихъ началахъ. Но примѣръ Ленина тѣмъ и хорошъ, что онъ беретъ самый рѣзкій, мыслимо крайній случай. Не только совмѣстимы общественная собственность на землю и до-соціалистическое, буржуазное общество; совмѣстима даже чисто капиталистическая организація земледѣлія и общественная собственность на землю. Иного отвѣта и не могло получиться. Вѣдь, какъ бы то ни было, а г. Ленинъ все-таки «марксистъ». А стало быть, онъ долженъ быть знакомъ съ тѣми главами III тома «Капитала», которыя посвящены земельной собственности и рентѣ. Въ самомъ началѣ соответственнаго отдѣла мы наталки-

*) Курсивъ нашъ. Всѣ курсивы выше принадлежатъ самому г. Ленину.

ваемся на знаменательное утверждение, что «земельная собственность отличается отъ остальныхъ родовъ собственности тѣмъ, что на извѣстной ступени развитія она оказывается излишней и вредной даже съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства» (стр. 513); и далѣе мы неоднократно встрѣчаемся съ доказательствами, что частная собственность является «чуждой силой и препятствіемъ при вложеніи капитала въ землю» (стр. 628), полагая «затратамъ капитала предѣлы, которыхъ съ чисто-капиталистической точки зрѣнія не было бы безъ существованія такой монополіи».

Неудивительно поэтому, что среди передовыхъ элементовъ буржуазнаго общества начинается походъ противъ земельныхъ собственниковъ и ренты, какъ налога взваливаемаго ими на *все* общество, что начинаются уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и практическіе опыты націонализаторской и социализаторской политики. Правда, буржуазія въ цѣломъ, угрожаемая рабочимъ классомъ, слишкомъ цѣнитъ всякихъ союзниковъ справа, чтобы поддаться естественному чувству антогонизма, обусловленнаго противорѣчіемъ ренты и прибыли; да и личныя узы, вмѣстѣ съ нерѣдкимъ соединеніемъ въ однихъ и тѣхъ же рукахъ землевладѣнія и капиталовладѣнія, также представляютъ серьезное препятствіе успѣху проповѣди націонализаторовъ въ буржуазныхъ кругахъ. Тѣмъ не менѣе, движеніе въ пользу націонализаціи земли среди не-соціалистовъ представляетъ собою лишнее свидѣтельство сомыѣстности общественной собственности на землю и буржуазной неорганизованности товарнаго производства. Итакъ, анализъ перваго вопроса, поставленнаго Каутскимъ, не даетъ никакихъ данныхъ противъ включенія требованія социализаціи земли въ программу минимумъ.

Теперь второй вопросъ. Способно ли проведеніе социализаціи земли облегчить классовую борьбу пролетаріата, дать толчекъ ея развитію и расчистить пролетариату путь къ политическому господству?

Для рѣшенія этого вопроса прежде всего приходится

принять въ соображеніе нѣсколько важныхъ практическихъ послѣдствій социализаціи земли.

Во-первыхъ. Уничтоженіе крупной частной собственности на землю имѣетъ то значеніе, что этимъ подрываются хозяйственныя корни существованія огромнаго и чрезвычайно вреднаго общественнаго слоя: частныхъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ, лендлордовъ, живущихъ поземельной рентой. Этотъ паразитный классъ въ настоящее время повсемѣстно—лучшая опора реакцій. Владѣя землей, онъ можетъ не играть ровно никакихъ производительныхъ функцій, можетъ въ глаза не видѣть своего «имѣнія» и сдачей его въ аренду получать огромныя суммы, обладать хозяйственной мощью, экономически господствовать и вліять на массы зависимыхъ отъ него вассаловъ—земледѣльцевъ. Соціализировать земли этихъ рантье-арендаторовъ—значитъ вырвать почву изъ-подъ ногъ одного изъ столповъ современнаго режима, у одного изъ злѣйшихъ враговъ рабочаго класса. Это значитъ пробить очень чувствительную брешь во вражескомъ лагерѣ и чувствительно ослабить его силы.

Во-вторыхъ. Соціализація земли означаетъ также социализацію *ренты*. Суммы, которыя раньше шли въ руки земельного собственника, при этомъ условіи пойдутъ въ руки общества, могутъ быть примѣнены для образовательныхъ, культурныхъ, вообще общественно-хозяйственныхъ цѣлей. Та зависимость, въ которой землевладѣлецъ, благодаря земельной собственности и рентѣ, держалъ отъ себя арендатора земли (безразлично, былъ ли этотъ арендаторъ сельскимъ хозяиномъ или капиталистомъ, которому земля нужна была для промышленнаго заведенія, или же для жилыхъ цѣлей),—превращается въ зависимость его отъ общественной коллективности. Тѣмъ самымъ въ руки этой общественной коллективности дается могучее орудіе противъ индивидуальнаго предпринимателя въ случаѣ столкновенія его частныхъ интересовъ съ общественными *).

*) Мы уже видимъ торжество, съ которымъ готовы будутъ придаться къ этому слову наши противники. «Недаромъ мы говорили, что гг. социалисты-революціонеры

примѣръ изъ самой простой и обыденной области. Большая разница, даже теперь, въ русскихъ условіяхъ, держитъ ли кабатчикъ свой кабакъ — или мельникъ свою мельницу — на собственной или арендованной мірской землѣ. Въ первомъ случаѣ онъ всегда легче можетъ «притѣснить» міръ платой за помоль или какими-нибудь еще дѣйствіями, вредными мірскимъ интересамъ, во второмъ случаѣ, міръ можетъ въ своей сторонѣ отплатить ему весьма серьезной репрессіей. А тамъ, гдѣ интересъ отдѣльных капиталистовъ враждебно сталкивается съ интересами большинства трудового населенія — для этого большинства весьма важно имѣть въ своихъ рукахъ хорошее оружіе противъ денежныхъ воровъ. Проистекающіе отсюда конфликты и столкновенія общественнаго и личнаго начала, общихъ и privato предпринимательскихъ интересовъ могутъ быть естественной почвой сознательной классовой борьбы, въ которой демократически организованная коллективность — коммуна, муниципалитетъ, мелкая самоуправляющаяся земская единица и т. п. — не будетъ беззащитна. Сосредоточеніе въ ея рукахъ правъ на землю можетъ лишь обострить эту борьбу, въ одно и то же время обобщая и концентрируя ее, склоняя чашку вѣсовъ не въ сторону privato предпринимательскаго капитала. Нетрудно видѣть, что борьба въ смыслѣ интенсивности и въ смыслѣ экстенсивности при этомъ получаетъ новый толчекъ и должна скорѣе привести къ окончательной развязкѣ.

Въ-третьихъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, режимъ общественной поземельной собственности (даже въ недостаточноразвитыхъ ея формахъ) даетъ среди мелкихъ землевла-

хотать борьбу за классовые интересы замѣнить какой-то защитой интересовъ какого-то неопредѣленнаго общества». — Спѣшимъ успокоить ихъ краткимъ объясненіемъ: каждый общественный классъ приносить съ собою собственное, свойственное ему пониманіе интересовъ всего общества. Итакъ, здѣсь рѣчь идетъ о столкновеніи частнаго интереса съ общественнымъ, какъ его понимаетъ рабочій классъ, руководимый въ своемъ пониманіи социалистическимъ идеаломъ.

дѣльцевъ лучшіе психологическіе навыки, чувства, возрѣнія, чѣмъ режимъ частной поземельной собственности. Общественная собственность—даже въ предѣлахъ сравнительно мелкой коллективности—представляетъ большее поле для развитія солидарности между труженниками-земледѣльцами, и меньшее поле—для развитія «фанатизма собственности». Даже практика уравнилельныхъ передѣловъ въ современной общинѣ, задыхающей подъ грязнымъ и грубымъ сапогомъ администраціи, даетъ болѣе благоприятную атмосферу для упражненія общественныхъ навыковъ, чѣмъ господство неограниченнаго индивидуальнаго произвола мелкихъ частныхъ собственниковъ на ихъ «вѣчныхъ», наслѣдственныхъ участкахъ. Къ идеѣ социализма переходъ во всякомъ случаѣ легче отъ идеи коллективнаго распоряженія землей всѣмъ «міромъ», чѣмъ отъ привычки считать себя на «своемъ» участкѣ полновластнымъ владѣльцемъ, который ничего знать не хочетъ. Иными словами, даже несовершенные виды общественной собственности все же лежатъ, сравнительно съ режимомъ мелкой индивидуальной собственности, по линіи наименьшаго сопротивленія для проикновенія и распространенія идеи социализма. Въ то же время борьба за различныя формы общинныхъ распорядковъ даетъ широкое и свободное поприще для встрѣчи лицомъ къ лицу социалистическихъ идеаловъ,—которые могутъ и должны найти опору въ трудовомъ крестьянствѣ, въ деревенской бѣднотѣ,—съ буржуазными идеалами выдѣляющагося деревенскаго «третьяго сословія». Поводы для агитаціи и для примѣненія классовыхъ лозунговъ здѣсь неисчислимы.

Въ-четвертыхъ. Что касается до условій борьбы специально пролетаріата капиталистической индустріи, то и на нихъ социализація земли отразится безусловно благоприятнымъ образомъ. Она не тормозитъ эту борьбу, а, напротивъ, облегчаетъ ее. Что сейчасъ является самымъ неблагоприятнымъ условіемъ всей этой борьбы? Безусловно, громадное количество безработныхъ, которые наводняютъ города, колоссальная избыточная армія, выбрасываемая деревней, армія людей, изголодавшихся, съ низкимъ уровнемъ потребностей, готовыхъ работать

за грошъ и своей конкуренціей сбивающихъ заработную плату своихъ товарищей, которые, величайшими усилиями и пожертвованіями, добивались и добились сноснаго ея уровня. Общее положеніе Россіи въ этомъ отношеніи крайне неблагопріятно. Деревня наша ввергнута въ хозяйственный кризисъ, наша хозяйственная жизнь, наши производительныя силы парализованы. Индустрія не можетъ развивать производства за недостаточностью внутренняго рынка и, въ то время, какъ и безъ того приходится сокращать производства и отпускать рабочихъ, деревня заваливаетъ предложеніемъ свободныхъ рабочихъ рукъ. Периодическое повтореніе такихъ острыхъ формъ безработицы дѣлаетъ крайне эфемерными и непрочными всѣ завоеванія въ стачечной борьбѣ. Отсюда вражда профессиональных рабочихъ противъ «зимоваловъ», «сѣрыхъ», «лаптей», которые сбиваютъ заработки; отсюда взаимная глухая неприязнь, порой вражда между братьями по страданію—вражда, которая только на руку ихъ общему врагу—капиталисту. Только дѣйствительно рѣшительными, радикальными, героическими мѣрами можно стряхнуть съ деревни хозяйственный параличъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и создать отливъ въ землѣ этого совершенно искусственнаго, чрезмернаго, ненормальнаго новодненія городовъ безработными. И завсѣканіе *всей* земли въ общенародную собственность является, дѣйствительно, такимъ могучимъ средствомъ, которое можетъ радикально измѣнить отношеніе между спросомъ и предложеніемъ рабочей силы; можетъ довести его до такой нормы, при которой шансы отстаиванія городскимъ рабочимъ его ближайшихъ интересовъ поднимутся, его боевыя позиціи укрѣпятся, ходъ его борьбы приметъ болѣе благопріятный оборотъ...

Такимъ образомъ, поставленный въ болѣе благопріятныя условія борьбы на фабрикѣ, сильный своимъ союзомъ съ трудовымъ крестьянствомъ, сдѣлавшимся болѣе воспріимчивымъ и подготовленнымъ къ социалистическимъ идеямъ; имѣя противъ себя вражескій лагерь, въ которомъ пробита серьезная брешь экспропріаціей крупныхъ землевладѣльцевъ; владея сильнымъ оружіемъ противъ другихъ капиталистовъ, въ видѣ обще-

ственной собственности на необходимую для всѣхъ землю—рабочій классъ, конечно, при социализаціи земли сильнѣйшимъ образомъ подвинулся бы къ моменту окончательнаго расчета съ царствомъ гнета и эксплуатаціи...

«Но потому то буржуазный строй этого и не допустить, потому то это и утопія»,—поспѣшать намъ возразить на это. «Потому то Н. Ленинъ и совершенно правъ, когда вмѣсто всего этого фантастическаго благополучія, указываетъ крестьянамъ «первую дверь» и приглашаетъ сдѣлать «первый шагъ», маленький, но вѣрный; потому то вмѣсто социализаціи земли и слѣдуетъ поставить въ программѣ отрѣзки»...

Не допустить? Предположимъ, что это и такъ. Но отъ кое-какого автора мы однажды слышали, что социалисты все таки, во имя своихъ революціонныхъ принциповъ и своего революціоннаго дѣла, должны бороться всѣми силами всегда и непременно за максимумъ *) нашихъ требованій. Остановить же себя до окончанія исхода борьбы тѣмъ соображеніемъ, что *всею* максимума мы, пожалуй, и не добьемся—значитъ впадать въ чистѣйшее филистерство. Соображенія подобнаго рода всегда ведутъ къ оппортунизму, хотя бы даже этого и не желали виновники такихъ соображеній»... «Да тамъ ужъ потомъ жизнь рѣшить, и исторія это запишетъ, а наше дѣло теперь, во всякомъ случаѣ, бороться и бороться до конца. Развѣ смѣетъ солдатъ, который уже двинулся въ атаку, разсуждать, что мы, можетъ быть, не весь непріятельскій корпусъ, а три пятыхъ его уничтожимъ». И, рассмотрѣвъ возможность попытки со стороны власти имущихъ отдѣлаться только «частичкой платежа» по предъявленному къ нимъ «векселю», тотъ же авторъ прибавляетъ: «Но намъ то какое до этого дѣло? Частичку платежа мы, конечно, положимъ себѣ въ карманъ, нисколько не прекращая, тѣмъ не менѣе, отчаянной борьбы за весь платежъ»... «Тамъ уже сама борьба рѣшить, какую часть этого платежа, когда именно и какъ именно удастся намъ отвоевать. Глупо было бы

*) Здѣсь, какъ и вѣже, все время рѣчь идетъ о максимумѣ требованій въ предѣлахъ буржуазнаго общества.

пытаться учесть эту часть раньше, чѣмъ мы не дали врагу почувствовать всей силы его ударовъ. Такъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло—опредѣлить, на основаніи научныхъ данныхъ, *максимумъ* этихъ требованій и помочь товарищамъ бороться за этотъ максимумъ, а тамъ уже пусть смѣются надъ его «проблематичностью» трезвенные легальные критики и влюбленные въ осязательность результатовъ нелегальные хвостисты».

И этотъ авторъ, цитируемый нами противъ Н. Ленина, есть тотъ же Н. Ленинъ. Надо думать, однофамилецъ...

Нѣтъ, читатель, немножко болѣе чѣмъ однофамилецъ. Эти два Ленина суть въ тоже время одинъ Ленинъ, только въ двухъ лицахъ. Но два лица не въ ладахъ между собою, и вотъ—«ужасный мигъ—они сразились».

Одинъ Ленинъ сочувственно цитируетъ Каутскаго о программѣ минимумъ: «Соціалъ демократическая программа пишется не для даннаго момента, — она должна по возможности дать директиву при всѣхъ и всяческихъ конъюнктурахъ въ современномъ обществѣ». Другой Ленинъ спѣшитъ «подставить ножку» первому и иронически замѣчаетъ: «наша аграрная программа рассчитана поэтому практически главнымъ образомъ на непосредственное ближайшее будущее, на періодъ до паденія стараго режима».

Одинъ Ленинъ рѣшаетъ: «въ рабочемъ отдѣлѣ (программы-минимумъ) мы не въ правѣ выходить за предѣлы социально-реформаторскихъ требованій, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы не должны останавливаться и передъ социально-революціонными требованіями»; въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы должны «требовать и того, что въ состояніи только силою взять себѣ революціонное движеніе самого крестьянства». Другой Ленинъ, какъ на зло, констатируетъ, что—увы,—какимъ то образомъ выработанная согласно этимъ принципамъ аграрная программа «въ преобладающей части ея требованій» будетъ по мѣрѣ развитія сельско-хозяйственного капитализма, все болѣе терять значеніе, «ибо остатки крѣпостного права, противъ которыхъ эта программа направлена, вымираютъ и сами собой и подъ

вліяніємъ политики правительства». Одинъ Ленинъ грозно и неумолимо требоваль самого максимальнѣйшаго максимума всегда, вездѣ и непремѣнно, а другой взялъ да и подсунулъ вмѣсто этого «первый шагъ, маленькій, но вѣрный». Одинъ Ленинъ громиль урѣзываніе своихъ требованій, какъ филистерство и оппортунизмъ, а другой предательски толкнулъ его въ объятія елецкихъ земцевъ; эти послѣдніе сколько ни выдумывали, какъ бы это мужику въ родѣ какъ бы что то дать, а на самомъ дѣлѣ ничего не давать, и ни до чего, лучше «отрѣзковъ» г. Ленина не додумались. Отсюда второй Ленинъ и заключилъ,—очевидно иронически,—что проектъ перваго Ленина чрезвычайно «практиченъ», вопреки противоположнымъ сплетнямъ и лже-толкованіямъ злостныхъ «соціалистовъ реакціонеровъ»...

Но оставимъ нашихъ двухъ Лениныхъ. Хотя и поучительно и любопытно зрѣлище того, какъ «они сразились» и какъ изъ нихъ «то сей, то оный на бокъ гнется», но это все-таки отступленіе, а мы должны вернуться къ нашей темѣ.

Спрашивается: какія же аграрныя требованія больше удовлетворяють основнымъ принципамъ построенія соціалистической программы, ставящей свои требованія во всей ихъ наивозможной широтѣ, и какой же смыслъ могутъ имѣть упреки за выставленіе соціализаціи земли, какъ требованія программы-минимумъ?

Здѣсь, пожалуй, не лишнимъ будетъ, напомнить еще одно замѣчаніе Каутскаго, подѣ которымъ мы также не прочь подписаться. «Она (практическая или минимальная программа),—говоритъ Каутскій—должна служить не только практическому дѣйствию, но и пропагандѣ; она должна въ формѣ конкретныхъ требованій указать съ большей наглядностью, чѣмъ это могутъ сдѣлать абстрактныя разсужденія, то направленіе, въ которомъ мы хотимъ итти впередъ. Чѣмъ болѣе отдаленныя практическія цѣли можемъ мы себѣ при этомъ ставить, не теряясь въ утопическихъ спекуляціяхъ, тѣмъ лучше. Тѣмъ яснѣе будетъ для массъ,—даже и для тѣхъ массъ, которыя не въ состояніи понять наши теоретическія разсужденія,—то направленіе, которому мы слѣдуемъ».

Вотъ именно. И съ этой стороны лучшаго лозунга для деревни, чѣмъ социализація земли, нельзя найти. Этотъ лозунгъ съ большей конкретностью показываетъ то направленіе, которому мы слѣдуемъ и по которому мы зовемъ идти крестьянъ. И крестьяне понимаютъ этотъ лозунгъ и прекрасно формулируютъ его своимъ своеобразнымъ яркимъ и образнымъ языкомъ, «Раньше—говорятъ они—мы, мужики были подъ барами; нами могли торговать, дарить насъ, вымѣнивать. Мы были собственностью. Теперь насъ освободили, а земля осталась въ той же неволѣ. Теперь нужно и землю высвободить изъ-подъ собственности—чтобы она была наша общая мать-кормилица, и чтобы ею, нашей матерью, никто не могъ торговать да барышничать», Да, этотъ практическій лозунгъ, который прекрасно можетъ служить и цѣлямъ пропаганды и цѣлямъ непосредственной борьбы, въ то же время превосходно указываетъ наше общее направленіе: путемъ революціонной борьбы труда противъ эксплуатаціи—къ торжеству общественнаго начала надъ разрозненностью и своекорыстнымъ индивидуализмомъ буржуазнаго міра.

Мѣсто социализаціи земли въ нашей программѣ.

Чѣмъ ближе придвигаются и чѣмъ реальнѣе обрисовываются очертанія грядущаго великаго историческаго событія—ликвидациі самодержавнаго строя, тѣмъ напряженнѣе работаетъ наша мысль надъ разрѣшеніемъ вопроса огромной важности—о тѣхъ задачахъ, которыя мы должны ставить себѣ въ эпоху кризиса, о тѣхъ внутреннихъ, мѣстныхъ и внѣшнихъ международныхъ условіяхъ, которыя властно отражаются на постановкѣ нашей дѣятельности.

Во всемъ мірѣ идетъ и приближается къ разрѣшенію великая тяжба между трудомъ и капиталомъ. Всякая политическая задача окрашивается теперь въ своеобразный цвѣтъ, разрѣшаясь въ атмосферѣ этой великой социальной борьбы, этого столкновенія двухъ основныхъ началъ, двухъ общественныхъ силъ, двухъ классовъ. Нашей странѣ пришлось занять совершенно исключительное положеніе въ этой великой борьбѣ. Съ одной стороны, она вовлечена въ сферу вліянія социалистическихъ идей; ея рабочій классъ все больше проникается ими и стремится занять почетное положеніе среди своихъ европейскихъ собратьевъ. Съ другой стороны, надъ нимъ тяготѣютъ старинныя ржавыя цѣпи бюрократіи, и онъ лишенъ той свободы дѣйствія, которой давно уже добились рабочіе во всемъ остальномъ цивилизованномъ мірѣ. Понятно, поэтому, что въ Россіи рабочему классу приходится рѣшить ту задачу, которая на западѣ разрѣшена была рабочими въ союзѣ съ буржуазіей въ такой историческій моментъ,

когда классовой антагонизмъ между союзниками не былъ еще ни столь сильно обостренъ, ни въ достаточной мѣрѣ сознанъ. Такимъ образомъ, у насъ рабочій долженъ стремиться одновременно и къ своему политическому и къ своему экономическому освобожденію.

Задача эта, трудная вообще, становится еще труднѣе вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ: вслѣдствіе относительной малочисленности городского пролетаріата, болѣе передового, легче воспринимающаго идеи новаго времени; вслѣдствіе невозможности опираться на союзъ съ буржуазіей, въ значительной мѣрѣ удовлетворенной при бюрократическомъ строѣ, понимающей, какого врага она имѣетъ въ пролетаріатѣ, инстинктивно ищущей союзника не въ немъ, а противъ него. Положеніе рабочаго класса могло стать при такой обстановкѣ поистинѣ трагичнымъ. Но если на его пути стоятъ своеобразныя препятствія, то онъ находитъ также поддержку и выходъ въ своеобразныхъ условіяхъ русской экономической жизни. Громаднѣйшая часть рабочаго класса — трудовое крестьянство. Оно не можетъ оторваться отъ земли, такъ какъ городъ не даетъ ему достаточнаго приложенія для его рабочихъ силъ. Но оно и не имѣетъ ни достаточно земли, ни достаточнаго обезпеченія отъ всѣхъ видовъ самой страшной эксплуатаціи для того, чтобы хоть сколько-нибудь сносно существовать. Въ этой обстановкѣ разыгрывается одна изъ самыхъ страшныхъ социальныхъ трагедій. Трудовое крестьянство эксплуатируется не менѣе, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже болѣе сильно, чѣмъ индустріальный пролетаріатъ; жизнь этихъ «собственниковъ» во много разъ тяжелѣе жизни имѣющихъ прочный заработокъ наемныхъ рабочихъ. Единственный выходъ для этого многочисленнаго трудового крестьянства можетъ быть только въ царствѣ труда.

Только переходъ всей земли въ руки трудящагося люда можетъ дать основу для устроенія лучшей жизни; только коллективная работа на общественной землѣ можетъ дѣйствительно устроить эту лучшую жизнь. Передъ трудовымъ крестьянствомъ стоитъ дилемма: земля или вырожденіе! Мы имѣемъ всѣ основанія вѣрить въ

здоровыя силы народа, и мы вѣримъ, что онъ сумѣетъ завоевать себѣ землю и волю и избѣгнуть вырожденія. Но разъ земля будетъ въ рукахъ крестьянина, разъ классовая борьба въ деревнѣ въ этомъ первомъ важномъ пунктѣ окончится побѣдой трудовыхъ элементовъ, этимъ будетъ дана могучая поддержка городскому пролетариату въ его городской борьбѣ. Имѣя за собой право на землю, имѣя возможность оставить въ деревнѣ всю нынѣ столь чрезмѣрно гигантски разросшуюся незанятую резервную армію, дѣйствуя и борясь въ тѣсномъ союзѣ съ трудовымъ крестьянствомъ, городскіе рабочіе пріобрѣтаютъ могучее орудіе для побѣдоносной борьбы съ капиталистами, лагерь которыхъ будетъ ослабленъ экспроприаціей земли, подрѣзывающей хозяйственные корни существованія одной изъ самыхъ сильныхъ опоръ реакціи — «аграріевъ». Построенное на пескѣ величественное зданіе національной индустріи, оказавшееся такимъ слабымъ, долго умѣвшимъ поддерживать себя только правительственными субсидіями и запретительными тарифами противъ однихъ, полицейскимъ покровительствомъ — противъ другихъ, — это зданіе въ итогѣ новой великой борьбы не сможетъ остаться неприкосновеннымъ. Въ немъ будутъ пробиты бреши. Сквозь начала буржуазнаго права просочатся новыя правовыя начала, соотвѣствующія принципамъ коллективизаціи. И намъ кажется, именно эту перспективу имѣли въ виду К. Марксъ и Ф. Энгельсъ, когда допустили возможность, что отсталыя страны съ общиннымъ инстинктомъ подадутъ сигналъ къ кореннымъ преобразованіямъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, пройдя ускореннымъ темпомъ и въ сокращенномъ видѣ тѣ фазы хозяйственной эволюціи, которыя гораздо болѣе растянулись въ странахъ классическаго капитализма.

Есть два вида политической тактики. Можно въ каждый данный моментъ смѣло и рѣшительно ставить себѣ максимумъ теоретически достижимыхъ задачъ, не смущаясь тѣмъ, что практическое разрѣшеніе ихъ всегда выходитъ на первыхъ порахъ болѣе или менѣе урѣзаннымъ, неполнымъ, эклектическимъ. И можно пытаться заранѣе учесть степень и мѣру тѣхъ урѣзковъ, которыми

подвергнутся наши требованія въ ближайшемъ будущемъ, чтобы приспособить къ нимъ самое содержаніе этихъ требованій, чтобы раздробить, размѣнять принципиальную ихъ широту на цѣлый рядъ постепенно расширяющихся реформъ, и ставить ихъ въ своей программѣ поочередно, въ порядкѣ ихъ расширенія, переходя къ требованіямъ болѣе смѣлымъ лишь по мѣрѣ того, какъ осуществляются поставленныя раньше болѣе узкія и скромныя требованія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть широкую интегральную программу, рассчитанную на цѣлый великій историческій періодъ; во второмъ случаѣ мы будемъ имѣть программу, быстро мѣняющуюся, то и дѣло рабски приспособляющуюся къ измѣнчивымъ условіямъ короткаго политическаго момента. Въ первомъ случаѣ программа даетъ руководящій принципъ, частичныя и неполныя воплощенія котораго могутъ достигаться одно за другимъ, попутно, какъ побочный результатъ борьбы за полное осуществленіе принципа; во второмъ—конкретную мѣру, которую историческій процессъ при неожиданно—благопріятномъ оборотѣ событій можетъ легко завтра же обогнать и оставить далеко позади. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ тактику смѣлую и идейную, не приспособляющуюся, а приспособляющую; во второмъ случаѣ—тактику типично оппортунистическую, прилѣпляющуюся къ умѣреннымъ и аккуратнымъ соображеніямъ непосредственной практической возможности, съ узенькимъ размахомъ, узенькимъ кругозоромъ, но зато съ широкой вѣрой въ собственное благоразуміе, положительность и полное значеніе того, что дѣйствительно и единственно возможно, а потому неизбѣжно осуществится.

Мы рѣшительно и неуклонно стоимъ за тактику *перваго* типа. И вотъ почему насъ нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что время отъ времени иные «здравомыслящіе» люди объявляютъ насъ утопистами и авантюристами, желающими прыгнуть выше ушей, и не считающимися съ неизбѣжнымъ и непреодолимымъ ходомъ вещей. Мы не смущаемся, когда слышимъ упреки отъ нашихъ «умѣренныхъ» или «либераловъ», ибо эти послѣдніе являются сознательными сторонниками оппорту-

нистической тактики; мы не смущаемся, когда слышимъ такіе же упреки отъ марксистовъ, ибо эти послѣдніе то и дѣло сбиваются безсознательно въ ту же оппортунистическую тактику, только подъ другимъ соусомъ и отчасти въ другихъ вопросахъ. Либералы укоряютъ насъ, прежде всего, за политическую непримиримость, увѣряя, что всеу все наше стремленіе къ полному политическому освобожденію, если мы не видимъ той «первой двери», чрезъ которую только и возможно прійти къ цѣли. Марксисты говорятъ, что всеу все наше стремленіе къ освобожденію крестьянства, если, опять-таки, мы не видимъ «первой двери», «перваго шага, маленькаго, но вѣрнаго», который примѣрно укладывается въ рамкахъ «отрѣзковъ». Разница только въ томъ, что либералы требуютъ отрѣзковъ политическихъ, а марксисты—экономическихъ; но «отрѣзочный» характеръ программы тѣхъ и другихъ въ существѣ постановки совершенно одинаковъ. Мы нисколько не отрицаемъ полумѣръ, «отрѣзочныхъ реформъ» только потому, что онѣ—«отрѣзочныя», что онѣ—полумѣры. Иногда, въ иныхъ конкретныхъ формахъ, онѣ даже полезны. Мы только полагаемъ, что заниматься ими—не наше дѣло, а дѣло либераловъ. Наше дѣло—только заставлять заниматься этими реформами въ направленіи, не противорѣчащемъ нашимъ принципиальнымъ требованіямъ. Наше дѣло—принуждать ихъ къ этому самымъ фактомъ своего существованія, своей агитаціи, своей дѣятельности, своего давленія. Реформы должны явиться попутно, какъ побочное слѣдствіе нашей дѣятельности. Для оцѣнки же, для различенія полезныхъ реформъ отъ вредныхъ, намъ служить наша «минимальная» программа (и—это одна изъ ея очень важныхъ функцій). Но и эта программа ставить въ *максимальномъ* объемѣ всѣ тѣ измѣненія въ современномъ хозяйственномъ и политическомъ строѣ, которыя, будь они произведены даже «умѣренными», не *отодвинутъ*, а *придвинутъ* осуществленіе нашей конечной цѣли. Итакъ, требованія минимальныя для насъ прежде всего являются широкимъ и опредѣленнымъ критеріемъ, мѣриломъ для оцѣнки частичныхъ нашихъ завоеваній или частичныхъ

уступокъ со стороны дирижирующихъ элементовъ общества. Но это не программа нашего собственнаго движенія въ его цѣломъ. Наша программа въ этомъ смыслѣ есть только максимальная, только интегральная программа грядущихъ преобразованій, въ которую лишь входятъ, какъ часть въ цѣлое, нѣкоторыя изъ минимальныхъ требованій. Минимальныя же требованія регулируютъ лишь *одну сторону* нашей дѣятельности—наше отношеніе къ частичнымъ уступкамъ буржуазнаго общества или частичнымъ завоеваніямъ у него въ моменты политическихъ кризисовъ.

Мы не понимаемъ тѣхъ ультра-благоразумныхъ людей, которые отъ дождя прячутся въ воду, которые изъ боязни, что жизнь урѣжетъ ихъ требованія, прибѣгаютъ къ операциі самоурѣзыванія...

«Но,—говорятъ намъ—вѣдь въ Россіи дѣло идетъ еще только объ освобожденіи всего населенія имперіи отъ бюрократизма, о буржуазной перестройкѣ. Съ этимъ и должно сообразовать свои требованія: ихъ осуществленіе должно освободить развитіе буржуазныхъ отношеній отъ крѣпостныхъ путъ. Мы можемъ и должны помочь этимъ родамъ чистаго, свободнаго отъ крѣпостныхъ путъ буржуазнаго общества,—это необходимый фундаментъ нашей программы-минимумъ...»

Такова точка зрѣнія, приводящая къ сознательному, принципиальному самоограниченію, доходящему до навязыванія чужихъ ролей. Фанатично вѣря въ свою догму, люди готовы взять на себя осуществленіе чисто-буржуазныхъ задачъ; и ихъ самоотверженная готовность служить интересамъ развитія буржуазнаго общества, оставаясь въ то же время сторонниками рабочаго класса,—производила бы трагическое впечатлѣніе, если бы подъ нею не чувствовалось комической доктринерской самоувѣренности ученаго метафизика. Если бы народъ обманулъ ихъ ожиданія, если бы онъ во время великихъ перемѣнъ, которыми должна ознаменоваться «политическая реформа», наложилъ свою властную руку на нѣкоторыя имущественныя права нашей буржуазіи, марксисты, пожалуй, въ ужасѣ воскликнули бы: «falsch kurirt» («плохо лѣчился») совершенно наподобіе одного

анекдотического нѣмецкаго доктора, который увидѣлъ нежданно-негаданно живымъ приговореннаго имъ къ смерти пациента. Мы, живые дѣятели современности, сдѣлали бы громадную, непростительную ошибку, если бы послѣдовали этой мертвящей тактикѣ самоурѣзыванія. Мы, имѣющіе всѣ основанія вѣрить въ успѣхъ дѣла рабочаго класса, ставимъ передъ исторіей наши максимальныя требованія, выработанныя въ сферѣ реальныхъ условій современной жизни, — требованія, корнями глубоко сидяція въ землѣ, но верхушкой стремящіяся къ солнцу; мы стараемся добиться ихъ осуществленія. Но въ жизни есть масса силъ, работающихъ противъ насъ; мертвецы тянутъ съ собою живыхъ, ни одинъ изъ господствующихъ классовъ не отдастъ легко того, чѣмъ владѣтъ. Побѣжденный, онъ все же будетъ стремиться или хитростью, или пользуясь неопытностью и неподготовленностью побѣдителя, вернуть себѣ все то, что утѣетъ. Жизнь пойдетъ по исторической равнодѣйствующей всѣхъ этихъ взаимно борющихся силъ новаго и стараго. Возможно, что осуществятся не всѣ задачи, къ которымъ мы стремимся, и которыя называютъ утопіями здравомыслящіе зайцы. Но чтобы вырвать у судьбы максимумъ возможнаго, мы должны широко развернуть наше знамя, стремиться къ осуществленію нашей задачи во всей ея широтѣ. Зачѣмъ пригибаться къ этой равнодѣйствующей, знавить — неизбѣжно наклонить ее въ сторону враговъ рабочаго класса; заранее вычислить линію, по которой она пройдетъ, и пригибать *къ ней* содержаніе своей программы — это оппортунизмъ чистѣйшей воды. И мы повторяемъ то, что говорили уже не разъ: если марксизмъ будетъ вѣренъ этой тенденціи, онъ долженъ будетъ скатиться по наклонной плоскости къ полному буржуазному вырожденію.

Насъ, конечно, тотчасъ же постараются перетолковать въ томъ смыслѣ, какъ будто бы мы утопически вѣримъ въ немедленное, чуть ли не единымъ взмахомъ достижимое, водвореніе на землѣ нашего идеала.

На дѣлѣ, конечно, мы далеки отъ этого взгляда, но мы далеки также и отъ другого взгляда, согласно ко-

тому ближайшія преобразованія ограничатся лишь правовыми, политическими реформами да уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ былого крѣпостничества въ деревнѣ.

Еще въ 1875 г. Фр. Энгельсъ указывалъ, что если бы даже политическое переустройство было начато высшими классами или правительствомъ, то на этомъ дѣло не остановится, ибо дѣло «неизбѣжно продолжатъ и скоро выведутъ изъ его перваго конституціоннаго фазиса *крестьяне*». Тотъ же взглядъ гораздо подробнѣе онъ развилъ въ 1883 г. въ своемъ разговорѣ съ Г. А. Лопатинымъ. Выдвигая на первый планъ для остальныхъ странъ паденіе бюрократіи, Энгельсъ указывалъ на возможные не только политическія, но и соціальныя завоеванія общества.

Мы также вѣримъ, по отношенію къ соціальнымъ преобразованіямъ, лишь въ реализацію того, что уже назрѣло въ жизни и въ душѣ народа. И мы полагаемъ, что экономическій строй Россіи, въ силу ея положенія въ системѣ международнаго раздѣленія труда, связанъ тѣснѣйшимъ образомъ съ ея *аграрнымъ строемъ*. Отсюда и та настойчивость, съ которою мы выдвигаемъ требованіе социализаціи земли и отдачи на сломъ всего феодално-буржуазнаго землевладѣнія. Мы глубоко убѣждены, что на этой почвѣ должно произойти первое вмѣшательство рабочаго народа въ права «священной частной собственности» — этого идола буржуазіи.

Что же предлагаютъ намъ вмѣсто этого наши критики? Ни больше ни меньше, какъ итти, до поры, до времени, рука объ руку съ сельскою буржуазіей, вводя деревню въ условія жизни, свойственной буржуазному обществу. Соціализмъ, дѣлающій своими руками типичную работу третьяго сословія! Какой фразеологіей можно прикрыть эту неприглядную оппортунистскую практику?

«Вліяніе пролетарскаго или марксистскаго элемента въ современномъ движеніи», отвѣчаютъ намъ наши критики, «можетъ выразиться лишь въ томъ, что подготовительный процессъ буржуазной реформы явится въ то же время процессомъ политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ въ партію рѣшительныхъ

преобразований». Задачи этого воспитанія опредѣляются тѣмъ, что «только принципы марксизма опредѣляютъ насущныя задачи пролетаріата въ его классовой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ и бюрократіей въ частности». Иначе говоря, отсутствіе у пролетаріата особыхъ непосредственныхъ задачъ, кромѣ воспособленія развитію буржуазнаго общества, оставить достаточный досугъ, который мы наполнимъ штудированіемъ нашей марксистской догмы: Das war von der langen Rede kurzer Sinn.

Но причемъ же тутъ борьба съ самымъ буржуазнымъ обществомъ? Въ моментъ преобразований марксисты отъ такой дѣятельности отказываются, такъ какъ эти преобразованія будутъ «чисто политическими, т. е. буржуазными». При современномъ же бюрократическомъ строѣ они могутъ выражаться только въ самостоятельной организаціи пролетарскихъ силъ, передъ которыми будутъ поставлены не пролетарскія, буржуазныя задачи, что, конечно, будетъ весьма двусмысленной *классовой борьбой*; да еще въ стачкахъ, роль которыхъ никто такъ сильно не критиковалъ, какъ сами марксисты. Не отрицая законности подобной работы для тѣхъ, кто вѣритъ въ научность этого ученія, нельзя все-таки не признать, что положеніе марксиста довольно печально. Въмѣсто призыва къ живой работѣ онъ даетъ школьные уроки, вмѣсто научнаго обоснованія дѣятельности за социальное освобожденіе онъ предъявляетъ рабочему сомнительныя выкладки, по которымъ рабочій долженъ забыть въ самый живительный моментъ жизни—моментъ преобразований — о своихъ собственныхъ задачахъ, отложить на время споръ съ буржуазіей и даже, напротивъ, заботиться объ ея интересахъ. Съ такою проповѣдью не шла къ пролетаріату ни одна изъ европейскихъ социалистическихъ партій. Даже въ дни полного и безраздѣльнаго идейнаго господства буржуазіи, въ медовый мѣсяцъ ея первой великой революціи, нашелся великій «утопистъ» Бабѣфъ, который звалъ рабочихъ воспользоваться плодами побѣды, добытой ихъ усиліями. Передъ іюньскими днями французскіе социалисты заботились не только объ успѣхѣ «чисто-политической, т. е.

буржуазной» революціи, и потому Фердинандъ Лассаль съ этого момента начинаетъ новую эпоху — эпоху практическаго выступленія «рабочаго сословія». Фр. Энгельсъ сражался въ рядахъ арміи въ Баденѣ не для того, чтобы буржуазія побѣдила прусскихъ юнкеровъ, но думая о томъ, чтобы придать, чтобы продолжать ее за предѣлы простой перемѣны декораціи въ стрѣхъ, основанномъ на социальномъ униженіи и рабствѣ рабочаго класса. Великіе мученики коммуны 1871 года стремились поднять на развалинахъ наполеоновской монархіи знамя рабочаго класса, и К. Марксъ призвѣствовалъ ихъ на этомъ пути. Пусть безжалостная исторія залила свои страницы кровью благородныхъ жертвъ — ихъ усилія не пропали даромъ для рабочаго дѣла. Эта борьба и эти жертвы отклонили равнодѣйствующую дальнѣйшей исторической жизни значительно влѣво, въ сторону интересовъ труда и свободы, чѣмъ это было бы возможно при тактикѣ оппортунистскаго приспособленія къ грядущему торжеству буржуазіи. Когда побѣжденный пролетаріатъ начиналъ затѣмъ поднимать мало по-малу голову, буржуазія гораздо внимательнѣе относилась къ частичному удовлетворенію его непосредственныхъ, ближайшихъ практическихъ интересовъ, боясь новаго взрыва, во время котораго пролетаріатъ, снова широко развернувъ свое социалистическое знамя, прибѣгъ бы къ «деспотическому вмѣшательству» въ имущественныя права буржуазіи.

Можетъ быть, и Россіи суждена въ будущемъ затяжная эпоха медленныхъ реформъ, во время которыхъ мы, подготавливая преобразованія въ теченіе долгаго времени, сможемъ ли шагъ за шагомъ, по мелочамъ добыть у класса капиталистовъ все то, что они могутъ дать, оставаясь капиталистами. Можетъ быть, рабочему классу придется потерпѣть крупныя пораженія во время своей первой борьбы съ буржуазіей или придется поневолѣ подѣлиться съ нею плодами побѣды, уступивъ ей львиную долю, а для себя получивъ лишь отрѣзки и огрызки. Все это покажетъ будущее, но сейчасъ мы зовемъ рабочихъ на работу, вѣря въ побѣду единственнаго сильнаго, здороваго, истинно прогрессивнаго класса

и эту работу мы можем вести только подъ знаменемъ политической свободы социальныхъ преобразований. Мы предоставляемъ марксистамъ мириться съ тѣмъ, чтобы грядущія преобразованія въ остальныхъ странахъ остались чисто-политическими, чтобы социальными плодами ихъ воспользовалась буржуазія. Рабочій классъ отброситъ отъ себя такихъ, ослѣпленныхъ доктриною людей, когда пойметъ, что ему дають камень вмѣсто хлѣба. Лучшая интеллигенція пойметъ, что съ такою программой она измѣняетъ тому великому служенію, которое она начала со временъ Чернышевскаго; она не предастъ своего права первородства за чечевичную похлѣбку мертвящей мнимо-научной доктрины «неомарксизма», въ которой не осталось и слѣда того живого содержанія, которымъ старался наполнить его великій учитель социализма, Карлъ Марксъ.

И мы вѣримъ, что лишь путемъ обобществленія земельной территоріи, путемъ передачи земли союзамъ тѣхъ, кто на ней трудится собственными руками, путемъ социализаціи земли можетъ быть разрѣшенъ въ ближайшемъ будущемъ важнѣйшій вопросъ жизни — вопросъ аграрный, а этимъ заложенъ фундаментъ всѣхъ дальнѣйшихъ социальныхъ преобразований. Ибо всякое зданіе строить не съ крыши, а съ фундамента, — а фундаментъ кладутъ на землю.

О г л а в л е н і е.

Гл. I. Классовая борьба въ деревнѣ	5
Гл. II. Пролетаріи-батраки въ русской деревнѣ	16
Гл. III. Переѣна тактики	25
Гл. IV. Деревенская революція и земельная реформа. . .	34
Гл. V. Ходячія возраженія.	49
Гл. VI. Мѣсто социализаціи земли въ нашей программѣ. . .	66

Оглавление

1	1. Классовая борьба в СССР
2	2. II. Пролетаризм-патризм в русской деревне
3	3. III. Пролетаризм-патризм в русской деревне
4	4. IV. Пролетаризм-патризм в русской деревне
5	5. V. Пролетаризм-патризм в русской деревне
6	6. VI. Пролетаризм-патризм в русской деревне
7	7. VII. Пролетаризм-патризм в русской деревне
8	8. VIII. Пролетаризм-патризм в русской деревне
9	9. IX. Пролетаризм-патризм в русской деревне
10	10. X. Пролетаризм-патризм в русской деревне

Чего добивается партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ.

Партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ защищаетъ интересы рабочихъ и трудового крестьянства, объединяя ихъ въ одну могучую армію труда.

Партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ ставитъ своей конечной цѣлью осуществленіе социализма, т. е., уничтоженіе частной собственности на землю, фабрики и заводы—она требуетъ общаго труда на общую пользу.

Партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ отстаиваетъ полную свободу и равенство всѣхъ гражданъ.

Партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ требуетъ установленія народнаго управленія (демократической республики).

Партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ какъ теперь, такъ и въ Учредительномъ Собраніи, будетъ защищать интересы рабочихъ, охрану труда, 8-ми часовой рабочий день и установленіе такого уровня заработной платы, ниже котораго она не должна спускаться.

Партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ требуетъ передачи всей земли всему народу.

Партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ требуетъ переложенія главной тяжести налоговъ на имущихъ.

Партія Соціалистовъ-Револүціонеровъ требуетъ земли и воли.

2, 28 (1986)

РЛ 1447

Кооперативное Издательское Т-во Социалистов-Революционеров
„РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ“.
 Петроградъ, Литейный пр., № 22.—Тел. 168-11.

Поступили на складъ:

1. Л. Шишко — Рассказы изъ русской исторіи, ч. I-ая . . .	П.	
2. „ „ „ „ „ ч. II-ая . . .	„	35
3. „ „ „ „ „ ч. III-ая . . .	„	12
4. Чья земля . . .	„	15
5. Сергѣй Масловъ — Что такое социализмъ . . .	„	4
6. П. Сорокинъ — „ „ „ (листовка) . . .	„	15
7. М. Мартыновъ — Что такое демократическая республика . . .	„	25
8. Чужъ-Чуженинъ — Пѣснникъ революціоннаго солдата . . .	„	30
9. В. Черновъ — Истинные и мнимые пораженцы . . .	„	15
10. Л. Брендстедъ — Какъ закрѣпить землю за народомъ . . .	„	15
11. Н. Песочинскій — Какъ избирать въ учредительное собраніе . . .	„	55
12. В. Трутовскій — Задачи социалистовъ въ городскихъ думахъ . . .	„	30
13. Какъ объединить трудовое крестьянство въ партію . . .	„	25
14. П. Сорокинъ — Что такое монархія и что такое республика . . .	„	10
15. „ О свободахъ . . .	„	25
16. П. Сорокинъ — Вѣчный миръ и всемірное единеніе народовъ . . .	„	15
17. С. Л. Масловъ — О пользованіи землею до учредит. собранія . . .	„	25
18. Н. П. Огановскій — Прошлое и настоящее земельного вопроса . . .	„	35
19. В. Черновъ — Докладъ о земельномъ вопросѣ . . .	„	15
20. Алексѣй Юсифовъ (Н. Печоринъ) — О политическихъ партіяхъ, что онѣ такое и для чего нужны . . .	„	45
21. И. И. Бунаковъ (Фондаминскій) — О войнѣ . . .	„	30
22. Л. Шишко — Откуда произошла частная собствен. на землю . . .	„	45
23. Басовъ-Верхоянцевъ — Сказать, отъоль пошли цари у насъ . . .	„	50
24. Прив.-доц. П. Сорокинъ — Проблема социального равенства . . .	„	

Печатаются:

- 25. Закъ — Какъ регулировать заработанную плату.
- 26. Лавровъ — Кому принадлежитъ будущее.
- 27. Быховскій — Совѣты крестьянскихъ депутатовъ.
- 28. Сергѣй Масловъ — Крестьянство и социализмъ.
- 29. Н. И. Фалѣевъ — Какъ организовать и вести собраніе.
- 30. А. Дѣдусенко — Волостное земство и его значеніе для крестьянства.
- 31. А. Юсифовъ (Печоринъ) — Съ кѣмъ идти? (о партіяхъ буржуазныхъ и социалистическихъ).

Издательское Т-во „РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ“ ставить своей цѣлью изданіе и распространеніе литературы Социалистов-Революционеров.
 Пріемъ новыхъ членовъ производится Совѣтомъ Т-ва.
 Паевой взносъ — 25 р., членскій — 3 р.
 Число паевъ неограничено. Независимо отъ числа паевъ, каждый членъ пользуется только однимъ голосомъ.

издательское товарищество
 „СОЦИАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВЪ“
„РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ“

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Викторъ Черновъ.

**Пролетаріатъ,
 трудовое крестьянство
 и революція.**

Цѣна 80 коп.

1920
 25/IV-50
 Лис 362
 петроградъ.